3121

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 08453 6930

Slavorum

Carmina epica selecta.

Edidit

V. Jagić.

Sumptibus seminarii slavici Vindobonensis.

Vindobonae

1892.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Slavorum

Carmina epica selecta.

Edidit

V. Jagić.

BIBLIOTHECA LIT. SLAVICARUM C. R. UNIVERSITATIS VINDOBONENSIS

Nr. 5377

SIGN. 31 E1

Sumptibus seminarii slavici Vindobonensis.

Vindobonae

1892.

Typis Johanni N. Vernay.

G.L.
3654138
Ross
5-14-86

Slavorum poësin epicam in scholis slavicis universitatis Vindobonensis interpretaturus, cum uno qui varia eius specimina contineret libro litteras slavicas adhuc carere vidissem, hunc libellum in usum sodalium huius imprimis seminarii edere decrevi. Sed in eligendis carminibus num optima quaeque exemplaria comparare contigerit, dubitare licet. Equidem discipulorum, quos honoris causa nomino, Georgii Gjorgjević, Eugenii Kozak, Demetrii Matov, Michaelis Speranskij, studio et labore adiutus, variis ex operibus haec carmina selegi:

I. Specimina poëseos epicae Russorum septemtrionalium, quae bylinarum appellatione celebratur:

1. Volga (Oleg), Sviatoslai filius, occurrit Nicolao Agricolae, qui miras corporis vires probavit, p. 1—4.
2. Sviatogori gigantis cum Elia heroe Muromensi certamen, p. 5—11.
3. Soloveius, Budimiri filius, per dolum sponsam recuperat, p. 11—18.
4. Eliae, herois Muromensis, cum Soloveio latrone contentio, p. 18—25.
5. Sadco, Novgorodensis mercator dives eiusque fortuna varia narratur, p. 25—35.

II. Specimina poëseos epico-lyricae Russorum meridionalium, quas dumas appellamus:

1. Trium fratrum captivorum fuga ex urbe Azov describitur, p. 35—37.
2. Expeditio Serpiagae ducis atque tempestas maris nigri enarratur, p. 38—39.
3. Samuel Koska e captivitate Turcarum fuga se liberavit, p. 39—48.

III. Specimina poëseos epicae Bulgarorum:

1. Septem reguli, quorum in numero Marcus, Regis filius, et Secula erant, diversas regiones permeant, p. 48—52.
2. Marcus, qui Regis filius appellatur, puerum Ducadinum occidit, p. 52—55.

3. Rex quidam Latinorum et Ognen, filius Marci, p. 55—60.
4. Ognen et mulier eius, p. 61—64.
5. Strages Latinorum propter raptum mulieris Marci inlata, p. 64—65.

IV. Specimina poëseos epicae Serborum et Croatarum:

1. Nuptiae regis Vukasini, p. 66—73.
2. Urosius et tres fratres gentis Mernaviae, p. 73—80.
3. Marcus, qui Regis filius nominatur, et frater eius Andreas, p. 80—82.
4. Puella Kosovensis, p. 82—85.
5. Radoslaus Severinus, p. 86—88.

V. Specimen poëseos epico-lyricae Slovenorum:

Rex Mathias captivus Turcarum, p. 88—90.

VI. Specimina poëseos epico-lyricae Bohemorum:

1. Puella fluctibus obruta, p. 90—91.
2. Sponsus, domum reversus, puellam mortuam vidit, p. 91—92.
3. Soror venefica, p. 92.

VII. Specimina poëseos epico-lyricae Polonorum:

1. Mulier parricida mariti, p. 93.
2. Puella infantem exposuit, p. 93—94.
3. Equi augurium, 94—95.
4. Fides sponsae Catharinae, p. 95—96.

V. J.

О ВОЛЬГѢ СВЯТОСЛАВГИЧѢ.

(Петрозаводскаго уѣзду, Кижской волости).

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга́,
Молодой Вольга́ Святославговичь.
Сталъ Вольга́ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ о́болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за о́болока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ ощѐ Вольга́ во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
Тремя городамы со крестьянамы:
Пе́рвыимъ городомъ — Гу́рчевцомъ,
Другіимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичь
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга́ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга ощѐ дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга ощѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, ора̀таюшко!
„Орать, да пахать, да крестьянствовати,
„Съ края въ край бороздки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга Святославговичь
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хоро́брою? —
„Ай же ты, ра̀таю, ратаюшко!
„Ѣду къ городамъ за получкою:
„Ко первому городу ко Гурчевцу,
„Ко дру̀гому ко городу къ Орѣховцу,
„Ко третьему городу ко Крестьяновцу.“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— А недавно я былъ въ городни, третьёво-дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Они просятъ грошѐвъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой подорожною,
— Платилъ имъ грошѝ подорожные:

— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
Говорилъ Вольга́ таковы слова:
„Ай же, оратай, оратаюшко,
„Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добры̀хъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А гля-ради мужика деревенщины.
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичь
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святосла́вговичь
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
   Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была,—
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали.“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичь!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была, —
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ. —
Говорилъ Вольга Святославговичь:
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
„Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
„Какъ звеличаютъ по отечеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да до́ма вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою —
— Станутъ мужички меня покликивати:
— „Молодой Микулушка Селяниновичь!“ —

5

СВЯТОГОРЪ СЪ ИЛЬЕЮ МУРОМЦЕМЪ.

(Петрозаводскаго уѣзду, Кижскаго погоста.)

Въ славномъ городѣ во Муромлѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„Крестьянскій сынъ!
„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.“
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!
— Не могу отворить воротъ широкіихъ,
— Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
— Не владаю ни рукамы, ни ногамы.—
Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.“
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
„Что чувствуешь въ собѣ, Илья?“

Билъ челомъ Илья, каликъ поздраствовалъ:
— Слышу въ собѣ силушку великую. —
Говорятъ калики перехожія:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
„И смерть тобѣ на бою не писана:
„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
„И со всею паленицею удалою;
„А столько не выходи драться
„Съ Святогоромъ богатыремъ:
„Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
„Его любитъ матушка-сыра земля;
„Не ходи ощѐ на Вольгу Сеславьича:
„Онъ не силою возметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
„Выходи въ раздольице чисто поле,
„Покупай перваго жеребчика,
„Станови его въ срубу на три мѣсяца,
„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
„И въ три росы жеребчика выкатывай,
„Подводи его къ тыну ко высокому:
„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
„И въ ту сторону, и въ другую сторону,
„Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
„Будетъ носить тебя.“
Тутъ калики потерялися.
    Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и пошелъ домой.
Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна — испужалися:
„Что это за чудо подѣялось?
„Кто бы намъ это сработалъ работушку?“

Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой.
Какъ пришли домой, видятъ:
Илья Муромецъ ходитъ по избы.
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Илья и разсказалъ имъ,
Какъ приходили калики перехожія,
Поили его питицьемъ медвяныимъ:
И съ того онъ сталъ владать рукамы и ногамы,
И силушку получилъ великую.
Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго,
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ;
Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой;
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталъ Илья жеребчика по три ночи въ саду поваживать,
Въ три росы его выкатывалъ,
Подводилъ ко тыну ко высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ
Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,
Бралъ у батюшка, у матушки
Прощеньице-благословеньице,
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.
Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный,
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:

На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются,
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
„Ай же ты, Илья Муромецъ!
„Спишь себѣ, проклаждаешься,
„Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
„Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
„Ты спущай меня во чисто поле,
„А самъ полѣзай на сырой дубъ.“
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ во сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая,
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ съ женою въ шатеръ проклаждатися,
Въ разныя забавы заниматися.
Тутъ богатырь и спать заснулъ.

А красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю
И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говоритъ она таковы слова:
„Ай же ты, дороднiй добрый молодецъ!
„Сойди-ка со сыра дуба,
„Сойди, любовь со мной сотвори;
„Буде не послушаешься,
„Разбужу Святогора богатыря
„И скажу ему,
„Что ты насильно меня въ грѣхъ ввелъ.“
Нечего дѣлать Ильѣ:
Съ бабой не сговорить,
А съ Святогоромъ богатыремъ не сладить:
Слѣзъ онъ съ того сыра дуба
И сдѣлалъ дѣло повелѣное.
Взяла его красавица, богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться,
И билъ его богатырь плеткою шелковою
По тучнымъ бедрамъ,
И проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ:
„Оперѣжь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
„А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
Дивья мнѣ потыкатися!“
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его выспрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ?

Илья ему сказалъ все по правды по истины. Тогда Святогоръ жену свою богатырскую убилъ, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и называлъ меньшимъ братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью

Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ,
И поѣхали они къ Сивернымъ горамъ,
И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ,
На томъ гробу подпись подписана:
„Кому суждено въ гробу лежать,
„Тотъ въ него и ляжетъ.“
Легъ Илья Муромецъ:
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь:
Гробъ пришелся по немъ.
Говоритъ богатырь таковы слова:
„Гробъ точно про меня дѣланъ.
„Возьми-тко крышку, Илья,
„Закрой меня.“
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
— Не возьму я крышки, большій братъ,
— И не закрою тебя:
— Шутишь ты шуточку не малую,
— Самъ себя хоронить собрался.—
Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ;
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ и силился поднять,
И проговорилъ Ильѣ Муромцу:
„Ай меньшій братъ!
„Видно судьбина поискала меня,
„Не могу поднять крышки,
„Попробуй-ка приподнять ю.“

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крышку, да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ богатырь: „Возьми мой мечь кладенецъ и ударь поперегъ крышки.“ Ильѣ Муромцу не подъ силу и поднять Святогора меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ богатырь: „Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ.“ Какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскіимъ: почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечь-кладенецъ и ударилъ поперегъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечь-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ богатырь: „Душно мнѣ, мень-

шій братъ, попробуй още ударить мечемъ вдоль крышки.“ Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговоритъ Святогоръ богатырь: „Задыхаюсь я, меньшій братецъ; наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну още на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую.“ Отвѣчаетъ Илья Муромецъ: — Будетъ съ меня силы, большій братецъ; не то земля на собѣ носить не станетъ. — Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь пращай, владай моимъ мечемъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладаетъ съ этимъ конемъ.“ Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечь-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЬ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де Царя, вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,

И Якутскому, вѣдь Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья Мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ кораблѣ,
Два мѣдвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.—
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову Князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ барханомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь;
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова Князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ко будетъ Князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
„Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка — узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,

А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, на серебрѣ — не погнѣваться."
Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота. —
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову Князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Какъ бы на пяту двери отворялися,
Идетъ во гридню Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь,
Спасову образу молится,
Владиміру Князю кланяется,
Княгинѣ Арпаксѣевной наособицу,
И подноситъ Князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Недорога камочка — узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ — не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А Княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ Князь:
„Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичь!
Заимуй дворы Княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй дворы и дворянскіе."
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
„Ненадо мнѣ дворы Княженецкіе,
И ненадо дворы боярскіе,

И ненадо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей осударь, Княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряденъ дворъ."
Говорилъ, сударь, ласковой Владиміръ Князь:
„На то тебѣ съ Княгинею подумаю;"
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
„Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ и орѣшеньѣ."
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хорабрая.
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ свѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени, —
Ото сна-то Запава пробужалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь хорошій, во зеленой садъ;
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.

Говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сѣнныя дѣвушки!
Подтет-ко, посмотритет-ко,
Что мнѣ за чудо показалося,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?“
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка, Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.“
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей, —
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ —
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ —
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту, —
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися.
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце:
На небѣ мѣсяцъ,въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженьки рѣзвыя;
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончаты гусли,

Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ ли перины пуховыя;
„Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возрастѣ.“
„А и я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься.“
Тутъ они и помолвили.
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися;
Провѣдала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Свадьбу кончити посрочила:
„Съѣзди-де за морія синія,
И когда-де тамъ разторгуешься,
Тогда и на Запавѣ женишься.“
Отѣзжалъ Соловей за моря синія;
Втапоры поѣхалъ и голой Шапъ Давидъ Поповъ, —
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ;
Приходилъ ко ласкову Князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину печатную. —
Втапоры Князь сталъ спрашивати:
„„Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!
Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ,
Про гостя богатаго, про молода
Соловья, сына Будиміровича?“
Отвѣчалъ ему голой Шапъ:
„Я-де объ немъ слышалъ,
Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
У того Царя заморскаго;
Соловей у Царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны
На егожъ Царское Величество.“
Тутъ ласковой Владиміръ Князь закручинился, —
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго Шапа Давида Попова.
Тысяцкой — ласковой Владиміръ Князь, —

Свашела — Княгиня Апраксѣевна, —
Въ поѣзду Князи и бояра,
Поѣзжали ко церкви Божіи.
Втапорыжъ въ Кіевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будиміровича,
Ко городу ко Кіеву,
Якори метали во быстрой Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ, красенъ бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля съ каликами:
Во бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою —
Походили они ко честной вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будиміровича,
Что прибылъ флотъ въ девяностѣ корабляхъ
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ;
А оттуда пошли ко ласкову Князю Владиміру
На княженецкой дворъ,
И стали во единой кругъ.
Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ Князь въ домъ свой, —
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою.
Тогда ласковой Владиміръ Князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали,
Приводили его ко Княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
„Гой еси мой, сударь, дядюшка,
Ласковой, сударь, Владиміръ Князь!
Тотъ-то мой прежній обрученной женихъ
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ, —
Прямо, сударь, скачу — обезчещу столы.“
Говорилъ ей ласковой Владиміръ князь:
„А ты, гой еси, Запава Путятишна!
„А ты прямо не скачи — не безчести столы.“

Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ —
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
Говорила Запава таково слово
Голому Шапу Давиду Попову:
„Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать.“
Втапоры ласковой Владиміръ Князь веселъ сталъ,
А Княгиня наипаче того;
Поднимали пирушку великую.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова т. I. 10.)

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой дороднiй добрый мóлодецъ,
Онъ стоялъ заутрéну во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнѣй Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черны́мъ черно,
А й черны́мъ черно какъ черна вóрона;
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добрóмъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьёмъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Ёнъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ;
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
„Ай же мужички да вы Черниговски!

„Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
„Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ.“
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
— Ай ты славныя богáтырь святорусьскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколóдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— На добрóмъ кони никто да не проѣзживалъ:
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыя,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Си́ди Солóвей розбойникъ во сырóмъ дубу,
— Си́ди Сóловей розбойникъ Оди́хмантьевъ сынъ,
— А то свищетъ Сóловей да по солóвьему
— Ёнъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному
— Й отъ него ли-то отъ пóсвисту соловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ пóкрыку звѣринаго,
— То всѣ травушки мурàвы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы́ лежатъ.
— Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
— А й окольноёй дорожкой цѣла тысяща. —
Онъ спустилъ добрá коня да й богатырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
Ёго добрый конь да богатырскіи
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы нá холму сталъ перемахивать,
Мелки рѣченки озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинки,
Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
Къ тóму славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Сóловей да й по солóвьему
Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы уплеталися,

Да й лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси проклонилися.
Его добрый конь богатырскіи
А онъ на корзни́ да потыкается;
А й какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелко́вую въ бѣлу́ руку,
А онъ билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
„Ахъ ты волчья сыть да й травяной мѣшокъ!
„Али ты итти не хошь али нести не мошь?
„Что ты на корзни́ собака потыкаешься?
„Не слыхалъ ли посвисту соло́вьяго,
„Не слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
„Не видалъ ли ты ударовъ богатырскіихъ?“
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
Ёнъ тетивочку шелковеньку натягивалъ
А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,
То онъ стрѣлилъ въ то́го Со́ловья розбойника,
Ёму выбилъ право око со косичею.
Ёнъ спустилъ-то Со́ловья да на сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стремечки булатнему,
Ёнъ повезъ его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнѣздышко́ повезъ да Соловьиное.
Во томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыихъ;
Бо́льша дочка эта смотритъ во окошечко косевчато,
Говоритъ ёна да таковы слова:
— Ѣдетъ то нашъ батюшко чисты́мъ полемъ,
— А сидитъ-то на добро́мъ кони,
— Да везетъ ёнъ мужичища деревенщину,
— Да у праваго у стремени прикована. —
Поглядѣла его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Ѣдетъ батюшко роздольицемъ чисты́мъ полемъ
„Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
„Да й ко правому ко стремени прикована.“
Поглядѣла его меньша дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичищо деревенщина,
— Да й сидитъ мужикъ онъ на добро́мъ кони,
— Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
— У булатняго у стремени прикована.
— Ему выбито-то право око со косичею. —
Говорила то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья нашѝ любимыи!
— Вы берите-тко рогатины звѣриныи,
— Да бѣжите-тко въ роздольице чисто́ поле
— Да вы бейте мужичища деревенщину. —
Эти мужевья да ихъ любимыи,
Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали какъ рогатины звѣриныи
Да и бѣжали-то оны да й во чисто́ поле
Ко тому ли къ мужичищу деревенщинѣ.
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
„Ай же зятевья мои любимыи!
„Побросайте-тко рогатины звѣриныи,
„Вы зовите мужика да деревенщину,
„Въ сво́ё гнѣздышко зовите Соловьиное,
„Да кормите ёго ѣствушкой сахарною,
„Да вы пойте ёго питьицемъ медвяныимъ,
„Да й дарите ёму да́ры драгоцѣнные.“
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звѣриныи
А й зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чисту́ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольнёй Кіевъ градъ.
Ёнъ пріѣхалъ-то во славный стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владиміръ князь онъ вышелъ со Божьёй церквы,
Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѣсть да пить да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ

Становилъ коня да посерёдъ двора,
Самъ идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столовую во горенку,
На́ пяту онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писа́ному,
Велъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
Тутъ Владыміръ князь сталъ мо́лодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дороднiй добрый мо́лодецъ,
— То́бе какъ-то молодца да имене́мъ зовутъ,
— Звеличаютъ удала́го по отечеству? —
Говорилъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
„Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
„Изъ того села да съ Карачирова,
„Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“
Говоритъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнёй Кiевъ градъ? —
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
„Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кiевской!
„Я стоялъ заутрену христовскую во Муромли,
„А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я въ стольнёй Кiевъ градъ,
„То моя дорожка призамѣшкалась;
„А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
„Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
„Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
„Мимо славну рѣченку Смородину,
„Мимо славную березу-ту покляпую,
„Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ.“
Гонорилъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же мужичищо деревенщина,
— Во глазахъ мужикъ да подлыгаешься
— Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!

— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнано́ тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— И на добро́мъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черный воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
— Да у славноѣй у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у покляпою,
— У того креста у Леванидова,
— Солове́й сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— То какъ свищетъ Со́ловей да по соло́вьему,
— Какъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси проклоняются,
— А что есть людей, то вси мертво́ лежатъ. —
Говорилъ ему Илья да таковы слова:
„Ты Владымiръ князь да стольнё-кiевской!
„Соловей розбойникъ на твоемъ двори,
„Ему выбито вѣдь право око со косичею,
„Й онъ ко стремени булатнему прикованой.“
То Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотрѣть на Со́ловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владымiръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Со́ловей, ты по соло́вьему
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Со́ловей ему розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
„Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
„А не васъ-то я хочу да и послушати,
„Я обѣдалъ-то у стараго каза́ка Ильи Муромца,
„Да его хочу-то я послушати.“
Говорилъ-то какъ Владымiръ князь до стольнё-кiевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илъя Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Со́ловью да й по соло́вьему,

— Прикажи-тко закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Ай же Со́ловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
„Засвищи-тко ты во по́лъ-свисту соло́вьяго,
„Закрычи-тко ты во по́лъ-крыку звѣринаго.“
Говорилъ-то ёму Со́ловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Мои раночки кровавы запечатались,
— Де не ходятъ-то мои уста саха́рніи,
— Не могу я засвистать да й по соло́вьему
— Закрычать-то не могу я по звѣриному.
— А й вели-тко князю ты Владыміру
— Налить чару мни да зелена́ вина,
— Я повыпью-то какъ чару зелена́ вина,
— Мои раночки кровавы порозо́йдутся
— Да й уста мои сахарни поросходятся,
— Да тогда я засвищу да по соло́вьему,
— Да тогда я закрычу да по звѣриному. —
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владыміру:
„Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
„Ты поди въ свою столовую во горенку,
„Наливай-ко чару зелена́ вина,
„Ты не малую стопу да полтора ведра,
„Подноси-тко къ Со́ловью къ розбойнику.“
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Да не малу онъ стопу да полтора́ ведра,
Розводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ёнъ ко Со́ловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей одны́мъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соло́вьему,
Закрычалъ розбойникъ по звѣриному,
Маковки на теремахъ покри́вились
А око́ленки во теремахъ розсыпались
Отъ него отъ посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшокъ, такъ вси мертвы́ лежатъ;
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской

Куньей шубонькой онъ укрывается.
А й тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Онъ скорешенько садился па добра́ коня,
А й онъ везъ-то Со́ловья да во чисто́ поле,
Й онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Тоби полно-тко свистать да по соло́вьему,
„Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
„Тоби полно-тло слезить да отцей-ма́терей,
„Тоби полно-тко вдовить да женъ моло́дыихъ,
„Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ.“
А тутъ Со́ловью ему й славу́ поютъ,
А й славу́ поютъ ему вѣкъ по́ вѣку.

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

(Въ Сумозерскомъ погостѣ, Пудожскаго уѣзда.)

Во славноемъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садкѐ купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садкѐ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садкѐ соскучился:
Какъ пошелъ Садкѐ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садкѐ перѐпался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садке соскучился,
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садке перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой но зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садке соскучился.
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Садке Новгородскій!
— Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
— За твои за утѣхи за великія,
— За твою-то игру нѣжную:
— Аль безсчетной золотой казной?
— А не то ступай во Новгородъ
— И ударь о великъ закладъ,
— Заложи свою буйну голову,
— И выряжай съ прочихъ купцовъ
— Лавки товара краснаго,
— И спорь, что въ Ильмень озерѣ
— Есть рыба—золоты перья.
— Какъ ударишь о великъ закладъ,
— И поди—свяжи шелковой неводъ,
— И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
— Дамъ три рыбины—золоты перья.
— Тогда ты, Садке, счастливъ будешь. —
Пошелъ Садке отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садке во свой во Новгородъ,
Позвали Садке на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садке Новгородскіи
Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садка попаивать,
Стали Садку подпашивать,
Какъ тутъ-то Садке сталъ похвастывать:
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!

„Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
„А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ.“
Какъ тутъ-то купцы Новогородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
„„Не знаешь ты чуда чуднаго,
„„Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыба-золоты перья.““
„Ай же вы, купцы Новогородскіе!
„О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ка о великъ закладъ:
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго.“
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы Новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садке поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садке все по небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.—
Потомъ Садке купецъ, богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новогородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новогородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,

Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новогородскіе:
„„Всѣ мы на пиру наѣдалися,
„„Всѣ на почестномъ напивалися,
„„Похвальбамы всѣ похвалялися,
„„Что же у насъ Садке ничѣмъ не похвастаетъ,
„„Что у насъ Садке ничѣмъ не похваляется?“ “
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
„Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
„У меня ль золота казна не тощится,
„Цвѣтно платьице не носится,
„Дружина хоробра не измѣняется.
„А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
„На свою безсчетну золоту казну
„Повыкуплю товары Новогородскіе,
„Худые товары и добрые!“
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садке на дру́гой день раны́мъ ранó,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,

И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено,
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новгородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Още повыкуплю товары Московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ Новогородскіи, —
„Побогаче меня славный Новгородъ.“
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новогородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей. —
На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новогородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,

Поѣзжалъ онъ по сыню морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синѐмъ морѣ:
А вольной то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
„А морскому царю дани не плачивали:
„Видно, царь морско̀й отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во сине море.
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
„Спущайте бочку во сине море.“
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
„Видно, царь морскій требуетъ
„Живой головы во сине море.
„Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
„Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спущайте жеребья на сине море:
„Чей жеребей ко дну пойдетъ,
„Таковому итти въ сине море.“
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садке дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,

Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Этыя жеребья неправильны:
„Дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
„А я сдѣлаю жеребей вольжаный.“
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садке дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всялъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно*).
. . . .
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Видно, царь морской требуетъ
„Самого Садка богатаго въ сине море.
„Несите мою чернилицу вальяжную,
„Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый)“.
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садке купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
„Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
„Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
„Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,

---

*) Этимъ не оканчивается испытаніе: Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать жеребья дубовые, а самъ дѣлаетъ липовый; потомъ дружина дѣлаетъ жеребья липовые, а онъ дубовый.

Самъ говоритъ таковы слова:
„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую,
„Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ.“
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.—
Остался Садке на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на ду́бовой.
Проснулся Садке во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садке, — во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,
— Мнѣ царю дани не плачивалъ,
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты,
— Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты. —
Какъ началъ играть Садке въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской;
Игралъ Садке сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ ощѐ Садке и третьіи,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ.
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новогородскіи;

— Полно играть въ гуселышки яровчаты! —
Обернулся — глядитъ Садко Новогородскіи:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыи.
Говорилъ Садко Новогородскіи:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ,
„Приказано играть въ гуселки яровчаты.“
Говоритъ старыкъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай,
— Скажи: „у меня струночекъ не случилося,
— „А шпенечковъ не пригодилося,
— „Не во что больше играть:
— „Приломалися гуселки яровчаты.“
— Скажетъ тобѣ царь морской:
— „Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ,
— „На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?
— Говори ему таковы слова:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ.“
— Опять скажетъ царь морской:
— „Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
— „Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу.“
— Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
— Позади идетъ дѣвица-красавица,
— Красавица дѣвица Чернавушка, —
— Бери тую Чернаву за себя за мужь.
— Какъ ляжешь спать во перву ночь,
— Не твори съ женой блуда во синемъ морѣ:
— Останешься на вѣки во синемъ морѣ;
— А ежели не сотворишь блуда во синемъ морѣ,
— Ляжешь спать о дѣвицу-красавицу,
— Будешь, Садке, во Новѣ-градѣ;
— А на свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Миколы Можайскому. —
Садке струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садке Новогородскіи!

— Что же не играешь въ гуселки яровчаты? —
„У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
„А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,
„А струночекъ запасныхъ не случилося,
„А шпенечокъ не пригодилося.“
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ,
— На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ? —
Говоритъ ему Садке Новогородскіи:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ.“
Опять говоритъ царь морской:
— Ну, Садке, вставай по утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу. —
Вставалъ Садке по утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ.
Позади шла дѣвица-красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя за мужь.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ ложится спать Садке во перву ночь,
Не творилъ съ женой блуда во синемъ морѣ.
Какъ проснулся Садке во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря. —
А дружина поминаетъ одного Садка:
„Остался Садке во синемъ морѣ!“
А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
„Остался Садке во синемъ морѣ,
„Очутился впереди насъ во Новѣ градѣ,
„Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“
Встрѣтилъ Садке дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.

Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садке выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садке на сине море,
Сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Изъ города изъ Азова, не великій туманы вставали,
Три брата рôдненькихъ зъ тяжкой неволй ўтêкали.
Два кôнныхъ, третій пѣшій за ними пôдбѣгае;
На сырé корêнья, на бѣле камêнья,
Нôжки свой козацькій посѣкае, кровъю слѣды заливае;
До кôнныхъ братôвъ добѣгае, словами промовляе:
„Станьте вы, братця! коней попасѣте, мене пôдождѣте,
„Съ собою вôзьмѣте, до городôвъ христіяньскихъ пôд-
везѣте!“
То середульшій тее зачувавъ старшого пытавъ;
То старшій ёму словами промовлявъ:
„Чи щé-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати?
Якъ будемъ мы брата дожидати,
Буде насъ погоня доганяти,
Буде насъ стрѣляти, рубати;
Або въ тяжкôй роботѣ будемъ пропадати!“
„Коли-жъ мене, братця, не хочете ждати—
Ставъ меньшій промовляти —
То прошу васъ, братця, на праву сторону звертайте,
Шаблй изъ пôхвъ вынймайте, тѣло мое порубайте,
Въ чистôмъ степу поховайте,
Звѣру да птицѣ на поталу не дайте!“ —
То середульшій тее зачувавъ, словами промовлявъ:
„Сёго, брате, зроду нйгдé не чували,
Щобъ рôдною кровъю шаблй обмывали,
Або гострымъ списомъ опрощенье брали!“
„Коли-жъ не хочете, братця, мене рубати,

То прошу васъ, братця, якъ будете до байракôвъ прибувати,
Терновы вѣтки въ запôлье рубайте,
Менѣ признáку покидайте!“—
То уже два козаки въ байраки въѣзжае;
Середульшій братъ милосердіе мае:
Верховѣтья у тернôвъ стинае,
Меньшому брату примѣту покидае.
А якъ стали на Муравській шляхъ выѣзжати,
Нѣчимъ ёму признáки покидати;
Вôнъ червону китайку съ-пôдъ жупана выдирае,
По шляху роскидае, меньшому брату примѣту оставляе.
То якъ ставъ пѣшеходець изъ тернôвъ выходити,
Ставъ червону китайку знаходити:
У руки хапае, дрôбными слёзами обливае.
„Недурно, промовляе, червона китайка по шляху валяе;
Мáбуть мойхъ братôвъ на свѣтѣ немае!
Мабуть за ними зъ города Азова погоня вставала,
Мене въ тернахъ на спочивѣ минала,
Братôвъ мойхъ доганяла, стрѣляла, рубала!
Колибъ менѣ Богъ милосердный помогъ
Тѣло козацьке знаходити, въ чистôмъ степу хоронити!“
Що одно безвôдье, друге безхлѣбье,
Трете буйный вѣтеръ въ полѣ повѣвае,
Бѣдного козака изъ нôгъ валяе.
„Ой годѣ-жъ менѣ за кôнными братами уганяти;
Часъ менѣ козацькимъ ногамъ пôльгу дати!“
То тее промовлявъ, до Саворъ-могилы прибувавъ,
Пôдъ Саворъ-могилою спочивавъ.
Въ той часъ сизы орлы налѣтали,
Пильно въ очи̑ козакови̑ заглядали.
Козакъ тее забачае, словами промовляе:
„Орлы сизоперы, гости̑ мои̑ милы!
Прошу я васъ тогдѣ налѣтати,
Зъ лоба очи̑ менѣ высмыкати,
Якъ не буду я свѣта Божого видати!“
То тее промовлявъ,
За часъ, за годину, милосердному Богу душу оддавъ.
Тогдѣ орлы налѣтали, зъ лоба очи̑ высмыкали.
Тогдѣ ще й дрôбна птиця налѣтала,

Коло жовтой кости̂ тѣло обби̂рала.
Вовки-сѣромáньцѝ набѣгали, тѣло козацьке рвали,
По тернахъ, по балкахъ жовту кôсть жваковали,
Жалôбненько квилили, проквиляли:
То-жъ воны козацькій похороны одправляли!
Дé-ся взялась сиза зозуленька,
Въ головкахъ сѣдала, жалôбно ковала;
Якъ сестра брата, або мати сына, оплакала. —
Стали кôнны браты до городôвъ христіянськихъ доѣзжати,
Стала къ и̂хъ сердцямъ велика туга налягати.
То середульшій братъ до старшого брата словами промовляе:
„Недурно къ нашимъ сердцямъ важкая туга налягае:
Мáбуть нашого брата живого на свѣтѣ немае!
Якъ будемо, брате, до отця й матери̂ прибувати,
Якъ будуть воны насъ пытати, то що станемо казати?“
То старшій братъ тее зачувае,
До середульшого словами промовляе:
„Скажемъ: не ў одного пана въ неволѣ бували,
Нôчной добы зъ неволи̂ ўтêкали,
Его сонного будили, не збудили
Тамъ ёго въ неволѣ й зостановили!“
То середульшій братъ тее зачувае,
До старшого брата словами промовляе:
„Якъ не будемъ отцю й матери̂ правды казати,
То буде насъ отцевська й материнська молитва карати!“
Тогдѣ старши̂ браты на поля Самарськи̂ выѣзжають,
Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
Коней попасають.
Въ той часъ безбожныи̂ бусурманы набѣгали,
И тихъ двохъ братôвъ порубали;
Тѣло козацьке карбовали,
Въ чистôмъ полѣ роскидали.
Гóловы на шабли̂ здыймали,
Довго глумовали!“

О ЧЕРНОМОРСКОМЪ ПОХОДѢ ГЕТМАНА СЕРПЯГИ.

Ой по Чорному да по глыбокому моречку,
По тихому да по далекому Дунаечку,
Злая буря выхожае, выступае,
Козакôвъ до земли̂ чужой проважае.
А изъ низу буйный вѣтеръ вѣе, повѣвае,
А по Чорному моречку супротивная хвиля вставае,
Да по Чорному морю вовкомъ-сѣроманцемъ лае й̂ гукае.—
Зобралися козаки товариши, всѣ хоробрыи̂ Запорозци̂,
Про тую бурю мирковати,
Тихои̂ погодоньки по-надъ сини̂мъ моремъ-дунаемъ пôджидати.
Одну годину пôджидали, другую пôджидали,
А злая буря все бôльшъ выступала,
Да й̂ ни̂ трошки по Чорному морю глыбокому,
По Дунаечку далекому да широкому,
Тая буря не уни̂мала;
А все злѣйшъ громомъ по небу тарахтала,
Да блискавкою мêжъ хмарами блискала.
Отъ-тогдѣ гетьманъ Ивасенько Серпяга
Козакôвъ товаришôвъ до себе пôдзывае,
До козакôвъ товаришôвъ такъ и такъ промовляе:
„Ой вы, панове, рôдныи̂ мои̂ братця,
Хоробрыи̂ мои̂ товариши, козаки Запорозци̂!
Слухомъ ни̂коли не слыхано,
Да й̂ видомъ ни̂коли не видано,
Щобъ такая буря злая на козакôвъ такъ мôцно выступала й̂ уставала,
Щобъ такимъ громомъ-блискавкою тарахтала й̂ блискала,
Да щобъ вы, панове козаки товариши, ось-такъ довго-довгенько стояли,
Тихои̂ погодоньки би̂ля моря пôджидали!“
А козаки тее зачували, да й̂ ўсѣ замовчали.
„Колижъ мы тои̂ бусурманщины лякалися?
Колижъ таки мы одъ еи̂ де-нé-будь ховалися?
А теперечка, не то щобъ бусурманщины,
А то не то бури̂ излякалися;
Тихои̂ погодоньки пôджидаючи,
Да на злую й̂ лихую бурю жалуючи,

Изовсѣмъ надорвалися!“
А козаки тее зачували, да й у̂сѣ мо́вчки замовчали;
Барзо, барзо раховали, ни̂чого не промовляли;
Одинъ одного споглядали, въ походъ выступали.
От-сѐжъ идуть воны день не день,
Не два, не три, й не чотыри̂;
А злая буря лихая да по Чорному моречку,
По далекому Дунаечку, барзо уни̂мала;
Да й супротивная хвиля у свои̂ домовины, у ковбанюги
бѣжала,
Да й тамъ пропадала.
А козаки Богови̂ молитвы посылали,
По тры поклоны покладали, одпочинье мали.
А по̂сля всѣ козаки въ походъ выступали;
Изъ свои̂мъ хоробрымъ гетьманомъ, Серпягою Иваномъ,
Тяжко нехриста розбивали. —
Думали й гадали;
Да й по̂дъ городомъ Керманомъ, изъ бусурманськимъ
салтаномъ
Примирье мали, у ёго худобу всю одни̂мали,
Усѣхъ Татаръ-буряко̂въ розбивали й плѣ̂ндровали,
Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой до-дому
привертали.

ПОБѢГЪ САМУИЛА КОШКИ ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ НЕВОЛИ.

(Дума 1599)

Ой із города із Трапезонта виступала галера,
Трёма цвітами процвітана, малёвана.
Ой первим цвітом процвітана
Златосиніми киндяками побивана;
А другим цвітом процвітана —
Гарматами арештована;
Третім цвітом процвітана —
Турецькою білою габою покровена.
То в тій галері Алкан-Паша,
Трапезонськеє княжя гуляє;
Ізбранного люду собі має:
Сімсот Турків, яничар чотириста;

Та бідного невольника півчвартаста
Без старшини військової.
Первий старший між ними пробуває
Кішка Самійло, гетьман Запорозський;
Другий — Марко Рудий, суддя військовий;
Третій—Мусій Грач, військовий трубач;
Четвертий — Лях-Бутурлак, клюшник галерський,
Сотник Переяславський, недовірок християнський,
Що був тридцять літ у неволі,
Двадцять-чотирі як став на волі,
Потурчився, побусурманився,
Для панcьтва великого, для лакомства нещастного!
В тій галері од пристані далеко одпускали,
Чорним морем далеко гуляли;
Проти Кефи города приставали,
Там собі великий та довгий опочинок мали.
То представиться Алкану-Пашаті
Трапезонському княжаті, молодому паняті,
Сон дивен, барзо дивен, на почуд.
То Алкан-Паша, трапезонське княжя,
На турків-яничар, на бідних невольників покликає:
„Турки, каже, турки-яничари, і ви, бідниї невольникі!
Котрий би могъ турчин-яничар сей сон одгадати,
Мог би ёму три гради турецькиї даровати;
А котрий би мог бідний невольник одгадати,
Мог би ёму листи визволени писати,
Щоб не мог ніхто нігде зачіпати!“
Сеє турки зачували, нічого не сказали;
Бідни невольники, хоч добре знали,
Собі промовчали.
Тільки обізветься між турків Лях-Бутурлак,
Клюшник галерський, сотник Переяславський, недовірок християнський:
„Як же, каже, Алкане-Пашо, твій сон одгадати,
Що ти не можеш нам повідати!“
— „Такий мині, небожята, сон приснився,
Бодай ніколи не явився!
Видиться: моя галера цвіткована, малёвана,
Стала вся обідрана, на пожарі спускана;
Видиться: мої турки-яничари

Стали всі в пень порубані;
А видиться: мої бідниї невольникі,
Которий були у неволі, то всі стали по волі;
Видиться мене гетьман Кішка
На три часті ростяв, в Чорнее море пометав.....“
То скоро тее Лях-Бутурлак зачував,
К ёму словами промовляв:
„Алкане-Пашо, Трапезонський княжату,
Молодий паняту!
Сей тобі сон не буде ні мало зачіпати;
Скажи мині получче бідного невольника доглядати,
З ряду до ряду сажати
По два по три, стариї кайдани і новиї исправляти,
На руки, на ноги надівати;
Червоної таволги по два дубці брати,
По шиях затинати,
Кров християнськую на землю проливати!“
Скоро то сее зачували,
Од пристані галеру далеко одпускали:
До города до Козлова,
До дівки Санджаківни на залети поспішали.
То до города Козлова прибували.
Дівка Санджаківна на встрічу вихожае,
Алкана-Пашу в город Козлов зо всім війском затягае.
Алкана-Пашу за білу руку брала,
У світлиці-камяниці зазивала, за білу скамью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А військо серед ринку сажала.
То Алкан-Паша, трапезонськее княжя,
Не барзо дорогиї напитки уживае,
Як до галери двох турчинів на-підслухи посилае:
Щоб не мог Лях-Бутурлак Кішки Самійла одмикати,
Упоруч себе сажати!
То скоро ся тиї два турчини до галери прибували.
То Кішка Самійло, гетьман Запорозський,
Словами промовляе:
„Ой Ляше-Бутурлаче, брате старесенький!
Колись і ти був в такій неволі, якъ ми тепера:
Добро нам учини, хоч нас старшину одомкни;
Хай би і ми у городі побували, панське весілля добре знали.“

Каже Лях-Бутурлак:
„Ой Кішко Самійлу, гетьмане Запорозський,
Батьку козацький!
Добро ти учини:
Віру християнску під нозі підтопчи,
Хрест на собі поламни!
Аще будеш віру християнську під нозі топтати,
Будеш у нашого пана молодого за рідного брата пробувати!“
То скоро Кішка Самійло зачував,
Словами промовляв:
„Ой Ляше-Бутурлаче, сотнику Переяславський,
Недовірку християнський!
Бодай же ти того не дождав,
Щоб я віру християнську під нозі топтав!
Хоч буду до смерті біду та неволю приймати,
А буду в землі козацькій голову християнську покладати!
Ваша віра погана, земля проклята!“
Скоро Лях-Бутурлак тее зачуває,
Кішку Самійла у щоку затинає:
„Ой, каже, Кішку Самійлу, гетьмане Запорозський!
Будеш ти мене в вірі християнській укоряти,
Буду тебе паче всіх невольників доглядати,
Стариї і новиї кайдани направляти,
Ланцюгами за-поперег втроє буду тебе брати!“
То тиї два турчина тее зачували,
До Алкана-Паши прибували:
„Алкане-Пашо, трапезонськеє княжя! безпечно гуляй!
Доброго і вірного клюшника маєш:
Кішку Самійла в щоку затинає,
В турецьку віру ввертає!“
То Алкан-Паша, трапезонськеє княжя,
Великую радость мало;
По-полам дорогиї напитки розділяло,
Половину на галеру одсилало,
Половину з дівкою Санджаківною уживало.
Став Лях-Бутурлак дорогиї напитки пити-підпивати;
Стали умисли козацьку голову клюшника розбивати.
Господи! єсть у мене що испити и исходити,
Тільки ні-з-кім об вірі християнській разговорити...“
До Кішки Самійла прибуває,

Поруч себе сажає, дорогого напитка метає,
По два по три кубки в руки наливає.
То Кішка Самійло по два по три кубки в руки брав:
То в рукава, то в пазуху, скрізь хусту третю до долу пускав.
Лях-Бутурлак по єдиному випивав:
То так напився, що з ніг звалився.
То Кішка Самійло та угадав,
Ляха-Бутурлака до ліжка вмісто дитяти спати клав;
Сам восімдесят-чотирі ключи з-під голов виймав,
На пяти чоловік по ключу давав:
„Козаки-панове! добре майте, один другого одмикайте,
Кайдани із ніг, із рук не кидайте,
Полуночної години дожидайте!“
Тоді козаки один другого одмикали;
Кайдани із рук, із ніг не кидали,
Полуночної години дожидали.
А Кішка Самійло чого-сь догадав,
За бідного невольника ланцюгами втрое себе приняв;
Полуночної години дожидав.
Стала полуночная година наступати,
Став Алкан-Паша з військом до галери прибувати.
То до галери прибував, словами промовляв:
„Ви турки-яничари, по-маленьку ячіте,
Моёго вірного клюшника не збудіте!
Сами же добре поміж рядами прохожайте,
Всякого чоловіка осмотряйте!
Бо тепера він підгуляв, щоби кому пільги не дав...“
То турки-яничари свічі у руки брали,
Поміж рядів прохожали, всякого чоловѣка осмотряли...
Бог помог: за замок руками не приймали!
„Алкане-Пашо, безпечно почивай!
Доброго и вірного клюшника маєш:
Він бідного невольника з ряду до ряду посажав,
По три, по два, стариї кайдани посправляв;
А Кішку Самійла ланцюгами у троє приняв.“
Тоді турки-яничари у галеру вхожали,
Безпечно спати лягали;
А котриї хмельні бували, на сон знемагали,
Коло пристані Козловської спати полягали.
Точді Кішка Самійло полуночної години дождав,

Сам між козаків устав,
Кайдани із рук із ніг у Чорнее море пороняв;
У галеру вхожає, козаків пробужає,
Шаблі булатнииї на вибір вибірає,
До козаків промовляє:
„Ви, панове молодці, кайданами не стучіте,
Ясини не учиніте,
Ні которого турчина в галері не збудіте!...“
То козаки добре зачували:
Сами з себе кайдани скидали,
У Чорнеє море кидали,
Ні одного турчина не збудили.
Тогді Кішка Самійло до козаків промовляє:
„Ви, козаки молодці! добре, братте, майте!
Од города Козлова забігайте,
Турків-яничарів в пень рубайте,
Которих живцем у Чорнеє море бросайте!“
Тогді козаки од города Козлова забігали,
Турків-яничар в пень рубали,
Которих живих у Чорнеє море бросали.
А Кішка-Самойло Алкана-Пашу із ліжка взяв,
На три часті ростяв, у Чорнеє море побросав,
До козаків промовляв:
„Панове-молодці! добре дбайте,
Всіх у Чорнеє море бросайте,
Тільки Ляха Бутурлака не рубайте
Между військом для порядку, за яризу війскового, зоставляйте!“
Тогді козаки добре мали:
Всіх турків у Чорнеє море пометали,
Тільки Ляха-Бутурлака не зрубали, —
Между військом, для порядку, за яризу війскового, зоставляли.
Тоді галеру од пристані одпускали,
Сами Чорним морем далеко гуляли.
Та ще у неділю, барзо рано-пораненьку
Не сива зозуля заковала,
Як дівка Санджаківна коло пристані похожала,
Та біли руки ламала, словами промовляла:
„Алкане-Пашо, Трапезонськеє княжату,

На що ти на мене такее великее пересердиє маєш,
Що од мене сёгодня барзо рано виїжжаєш?
Когда би була од матері сорома и наруги приняла,
З тобою хоч єдину ноч переночувала!“
Скоро ся тоє промовляли,
Галеру од пристані одпускали,
Сами Чорним морем далеко гуляли.
А ще у неділеньку, у полуденну годиноньку,
Лях-Бутурлак од сна пробуждає,
По галері поглядає, що ни єдиного турчина на галері немає.
Тогді Лях-Бутурлак із ліжка встає,
До Кішки Самійла прибуває, у ноги впадає:
„Ой Кішко Самійлу, гетьмане Запорозський,
Батько козацький! не будь же ти на мене,
Як я був на станці віка моёго на тебе!
Бог тобі допомог неприятеля побідити,
Та не умітимеш у землю християнську входити!
Добре ти учини:
Половину козаків у окови до опачин посади,
А половину у турецькеє дорогеє плаття наряди;
Бо ще будемо од города Козлова до города Цареграда гуляти,
Будуть із города Цареграда дванадцять галер вибігати,
Будуть Алкана-Пашу з дівкою Санджаківною
По залетах поздравляти:
То як будеш отвіт давати?....“
Як Лях-Бутурлак научив,
Так Кішка Самійло, гетьман Запорозський учинив:
Половину козаків до опачин у окови посадив,
А половину у турецькеє дорогеє плаття нарядив.
Стали од города Козлова до города Цареграда гуляти,
Стали із Цареграда дванадцять галер вибігати,
І галеру із гармати торкати, —
Стали Алкана-Пашу з дівкою Санджаківною
По залетах поздравляти.
То Лях-Бутурлак чогось догадав:
Сам на чердак виступав,
Турецьким біленьким завивалом махав;
Раз то мовит по-грецьки, у друге по-турецьки;
Каже: „ви, турки-яничари, по маленьку, братте, ячіте,
Од галери одверніте;

Бо тепера він підгуляв, на упокої почивае,
На похміллє знемогає,
До вас не встане, голови не зведе.
Казав: як буду назад гуляти,
То не буду вашої молості і по вік забувати!“
Тогді турки-яничари од галери одвертали,
До города Цареграда убігали:
Із дванадцяти штук гармат гремали, Яссу воздавали.
Тогді козаки собі добре дбали:
Сім штук гармат собі арештовали,
Яссу воздавали, на Лиман-ріку іспадали,
К Дніпру-Славуті низенько укланяли:
„Хвалим Тя, Господи, і благодарим!
Були пятдесят-чотирі годи у неволі,
А тепера чи не дасть нам Бог хоть час по волі!“
А у Тендрові острові Семен Сказолуб
З війском на заставі стояв, та на тую галеру поглядав,
До козаків словами промовляв:
„Козаки, панове молодці!
Що сия галера чи блудить, чи світом нудить,
Чи много люду царського має, чи за великою добичью ганяє?
То ви добре майте: по дві штук гармат набірайте,
Тую галеру з грозної гармати привітайте
Гостинця їй дайте!“
Тогді промовляли:
„Семене Сказолубе, гетьмане Запорозський,
Батьку козацький!
Десь ти сам боїшся і нас козаків страшишся:
Єсть сия галера не блудить, ні світом нудить,
Ні много люду царського має,
Ні за великою добичью ганяє:
Се, може, є давній, бідний, невольник із неволі утікає...“
— „Ви віри не доймайте, хоч по дві гармати набірайте;
Тую галеру із грозної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте;
Як турки-яничари, то у пень рубайте,
А як бідний невольник, то помочі дайте!
Тогді козаки, як діти, не горазд починали,
По дві штуки гармат набірали;
Тую галеру із грозної гармати привітали,

Три доски у судні вибивали,
Води Дніпровської напускали......
Тогді Кішка Самійло, гетьман Запорозський,
Погось отгадав, сам на чердак виступав;
Червониї, хрещатиї, давнії корогви із кишені винімав,
Роспустив, до води похилив, сам низенько уклонив:
„Козаки, панове-молодці! сія галера не блудить,
Ні світом нудить,
Ні много люду царського мае,
Ні за великою добичью ганяе:
Се есть давній, бідний невольник,
Кішка Самійло із неволі утікае;
Були пятдесят-чотирі годи у неволі,
Тепер чи не дасть Бог хоч час на волі“.
Тогді козаки у каюки скакали,
Тую галеру за малёвани облавки брали,
Та на пристань стягали;
Од дуба до дуба на Семена Скалозуба паёвали;
Тую галеру та на пристань стягали.
Тогді: златосинії киндяки — на козаки,
Златоглави — на отамани,
Турецькую білую габу — на козаки на біляки;
А галеру на пожар спускали.
А срібро, злато — на три часті паёвали:
Первую часть брали, на церкви накладали,
На Стятого Межигорського Спаса,
На Трехтемировський монастир,
На Святую Січовую Покров давали, —
Которі давнім козацьким скарбом будовали,
Щоб за іх встаючи і лягаючи,
Милосердого Бога благали.
А другую часть по-між собою паёвали;
А третюю часть брали, очеретами сідали,
Пили та гуляли, із семипъядних пищалей гремали,
Кішку Самійла поздоровляли:
„Здоров, кажуть, здоров, Кішко Самійлу,
Гетьмане Запорозський!
Не загинув еси у неволі,
Не загинеш із нами козаками по волі!“
Правда, панове, полягла Кішки Самійла голова,

В Киеві — Каневі монастирі..... слава не вмре, не поляже!
Буде слава славна:
Поміж козаками, поміж друззями,
Поміж рицарями, поміж добрими молодцями.
Утверди, Боже, люду царського, народу християнського,
Війска Запорозського, донського,
З сиею черньюДніпровою, низовою,
На многая літа до конця віка!

СЕДУМ КРАЛЕВИ ШЕТАЕТ ЗЕМЯ ПО КРАИНА.

Седнале ми до седум крале'и,
Седнале ми на ладна ме'ана,
Ядет, пиіет мушафере чинет,
Да шетает земя по краина.
И им велит Секула Детенце:
„Ти се моля, вуіко, да ме зе'иш,
Да шетаме земя по краина,
Да шетаме земя Каравлашка,
Да шетаме земя Арбанешка,
Да шетаме земя Ингилеска,
Да шетаме земя Арапинска,
Да шетаме земя Туратинска.“
Тога велит Марко Кралевике:
„Яс те зема, синко, да шетаме,
Ама тамо, синко, ми іе лошо:
Тамо немат ни вода студена,
Тамо немат ни сенка висока,
Да седниме да се оладиме.
Тамо имат бунар баталиа,
Нътре имат змиа троіногла'а,
Що да влезит 'се си го изедвит,
Никому му вода та не да'ат.“
Тога велит Секула Детенце:
„Земайте ме, вуіко, я да идам!“
Го зедо'е Секула Детенце,
Отидое земя да шетает,
Да шетает земя по краина.
Ми пойдо'е во гора зелена

Ми наідо'е бунар баталиа,
И ним им се студна вода спило.
Тога велит лудечек Секула:
„Аіви вие до седум крале'и!
Сопашите свилени пояси,
Вързете ме преку поло'ина
Пущете ме в бунар баталиа,
Да нацърпа една студна вода.“
Сопаса'е свилени пояси,
Го върза'е преку поло'ина,
Му дадо'е зелена мащрапа,
Го пущи'а в бунар баталиа,
Ми нацърпи една студна вода,
И му даде първо на вуіка му.
Седум пъти в бунар го пущи'е,
Се напи'е до седум крале'и.
После влезе сам да се напиет.
Змия беше мошне разоспана,
Седум пъти дете не го узна.
Колку само да си се напиет,
Тога ми се змиа разбудила,
Ми го фати лудечек Секула
Ми го лапна дури до колена,
А ущ' еднош — дури до пояса.
Тога викна Секула Детенце:
„Леле вуіко, леле мили вуіко!
Подаіте ми моя остра сабя,
Да пресечам змиа троіногла'а!“
Му дадо'е негва остра сабя.
Мавна дете змиа да пресечит,
Не пресече змиа троіногла'а,
Тук пресече свилени пояси;
Ми пропадна в бунар баталиа.
Тога велит лудечек Секула:
„Аіви вие до седум крале'и!
Одаіте си, мене не чекаіте;
Оста'ите моя бърза коня, —
Како мене змиа ке ме ядит,
Така него орли да го ядет.“
Си тъ ргна'е до седум крале'и,

Остаи'е него̄а бързa коня.
Коня ържит во гора се слушат,
Глас му о'ит три девет планиня;
Тамо имат до три вити ора;
'Ора бе'а съде самовилски,
Напред беше Гюргя Самовила,
До неа Ерина Самовила!
Тие му се верни посестрими.
Глас му слушат Гюрга Самовила,
„Негде ържит коня Секуло'а;"
И пущи Ерина Самовила.
Та се свила, како бело платно,
Ми отиде во гора зелена,
Ми іъ наіде коня Секуло'а;
Ми викна Ерина Самовила:
„Пущи, пущи змиа троіногла'а,
Пущи ми го лудечек Секула,
Тои ми іе мое мило брате;
Да не доідит Гюргя Самовила,
Да ти сторит чудо и големо!"
Тога викат змиа троіногла'а,
„Бегаі, бегаі Ерин Самовило!
Сега сум се месо изнаяла,
Т'ва го бараф и то'а го наідоф."
Си се свила како бело платно,
И ми поіде назод кѐ що беше,
И іе велит Гюрге Самовиле;
„Аіти тебе моя мила сестро!
Страф ми немат змиа троіногла'а,
Не го пущат наше мило брате!"
Ми се свила Гюргя Самовила,
Ми се свила како бело платно,
Тà ми поіде во гора зелена,
И седна на бунар баталиа: —
„Пущи, пущи, змиа троіногла'а,
Пущи ми го мое мило брате!
Ак' ти влеза, надвор ке т' иста'а
Ак' іе бунар триста съжни глобок."
Змиа велит „не мо'иш да влезиш."
Ми се свила како бело платно,

Tà іе влезе в бунар баталиа,
Ми го фати лудечек Секула,
Ми го фати за тонки рамена,
Ми го тргна надвор со 'се змиа
Тога велит Гюрга Самовила:
„Аіти тебе змиа троіногла'а,
Как се ядит мое мило брате!
Му іе сестра Гюрга Самовила,
Му іе сестра Ерина Самовила!“
Ми изва'и сабя дипленица,
Іе исече змиа троіногла'а;
Го зедо'е лудечек Секула,
Го качи'е на бързего коня.
И ми явна лудечек Секула,
И му удри жълта боздогана: —
„Да те вида, моя бърза коня,
Да стигниме наша-та дружина.“
В са'ат и пол дружина си стигна.
Кога ържна коня Секуло'а,
Се обзърна Марко'а-та коня;
И ми велит Марко Кралевике:
„'Одаі, одаі моя бърза коня,
Що тук' одиш, назод се обзърнвиш?“
И му велит Маркоа бърза коня:
„Аіти тебе Марко, моі стопане!
Коня ържит от наша дружина,
Нè пристигна лудечек Секула.“
И му велит Марко Кралевике:
„Аіти тебе моя бърза коня!
Секула іе в бунар баталиа;
Дан' ти удра жълта боздогана!
'Одее, 'одее малу до полпъти,
Пак ми зборви Маркоа бърза коня:
„Аіти тебе Марко, моі стопане!
Обзърни се зад себе, зад коня,
Оти идет лудечек Секула.“
Тога велит Марко Кралевике:
„Ке ти удра жълта боздогана,
Ке ти удра мегю църни очи.“
Пак му велит него'а бърза коня:

„Къде сакаш, тука да ме удриш,
Обзърни се назод да го видиш.“
Се обзърна Марко Кралевике,
Си го виде лудечек Секула;
Коня я’ат, како да ми летат.
И им велит Марко Кралевике:
„Еіви вие до седум крале’и!
Я видите чудо и големо,
Нѐ пристигна лудечек Секула;
Как ке бидит, како куртулиса!“
И стигнае’е, и се избаци’е,
С’ избаци’е, и се опита’е;
И им каза унери големи,
Що напра’и негоа-та сестра,
Негва сестра Гюргя Самовила.

МАРКО И ДЕТЕ ДУКАДИНЧЕ.

Седнал Марко с маіка да вечерат,
Над него іе дзвезда вечерница,
И іе ’ворит Марко Кралевике:
„А егиди дзвездо вечерницо!
Ти ми стоиш мошне на високо;
Тебе нещо я ке те опитам,
Ти се молям, пра’о да ми кажиш;
Али негде имаш догледано
Да се наідит поюнак от мене?“
И му зборвит дзвезда вечерница:
„Аіти тебе Марко Кралевике!
Ако сакаш право да ти кажам,
Да си зе’иш твоя бърза коня,
Тà да поідиш земя Дукадинска,
Тамо имат дете Дукадинче,
Дете имат до седум години,
Седум пъти поюнак от тебе.“
Тога Марко ми се насмеало.
Тога велит негва стара маіка:
„Що се смеиш, мои мили синко!
Аль се смеиш со моя-та старост,
Аль се смеиш со твоя не’еста,

Аль се смеиш со твое-то дете?“
Тога велит Марко Кралевике:
„Не гибаі ме, маіко, що се смеам,
Път си имам сега яс да ’одам;
Я ке ’одам земя Дукадинска;
Тук’ извади моя бърза коня.“
Тога явна негва бърза коня;
Църно море Марко го препливал;
Дури ми се зора обзорила,
Ми излезе краі бели друмо’и.
Тамо наіде три млади орачи
И им рече Марко Кралевике:
„Добро утро, три млади орачи!
Ке в’ опитам, да не ме мамите:
Къде седит дете Дукадинче,
Що ми било от седум години?“
Му реко’е три млади орачи:
„Аіти тебе незнаена дельо!
Сами му се куки познавает,
Стре’и му сѐ бисер поднизани,
А бедени от жълта дуката,
Вити порти му сѐ челико’и,
А диредзи му сѐ мраморлии.“
Поіде Марко на него’и порти,
Еднош клюквит, а два пъти виквит:
„А излези, дете Дукадинче!
Да те вида, ти що дете ми си́,
Да ти видам твоя юнащина!“
Ми излезе дете Дукадинче
И му рече дете Дукадинче:
„Аіти тебе незнаена дельо!
Адет немам во наша-ва земя,
Приятели на път да пречеква;
Туку ела дома да седниме,
Да ядиме, малу да пиеме,
Оту после да се обидиме.“
Ми отиде Марко Кралевике.
Яле, пиле три дни и три нокье:
Си стана’е на чатворти-от ден,
Отидо’е в она рамно поле.

Тога рече Марко Кралевике:
„Аіде сега камен да фарляме,
Да видиме наша юнащина,
Коі ке бидит юнак над юнака.“
Зеде Марко камен да си фърлят,
Малу камен що ми подфърлило,
Го фърлило токму три са’ати;
Го бара’е камен, го наідо’е.
Си подфърли дете Дукадинче,
Малу камен що ми подфърлило,
Го бара’е три дни и три нокье,
Нигде камен не си го наідо’е.
Се налюти Марко Кралевике:
И му рече на дете мало’о:
„Аіде сега да си обидиме
Є остри сабіи, со бързего коня.“
Се измами дете Дукадинче,
И си зеде своя бърза коня;
Колку фати коня да подиграт,
Му се спущи Марко Кралевике,
Го пресече преку поло’ина.
Уще дете не ми іе узнало,
И ми рече дете Дукадинче:
„Аіти тебе, незнаена дельо!
Нещо мене сърце ме набольвит.“
И му рече Марко Кралевике:
„А егиди дете малечко’о!
Кога сум бил, како тебе дете,
Многу пъти сърце ме болило,
Мали деца така болит сърце;
Тук стегни си твоя бърза коня,
Тà да си се еднош обидиме!“
Колку дете коня си постегна,
Се разлюти коня, се разигра;
Дете падна, два трупа се стори;
И се спущи Марко Кралевике,
Му іъ зеде негва добра гла’а,
Си отиде при седум крале’и;
Им іъ каза гла’а от дете-то,
Защ’ имаше многу юнащина,

Седум пъти поюнак от Марка.
Му реко'е седум-те крале'и:
„Бог те убил, Марко Кралевике!
Що каідиса н' ова лудо дете!
И гробнина да ти се незнаит.“

ЛАТИНСКИ КРАЛЬ И ОГНЕН.

Свадба чинит краля Латинина,
Свадба чинит сина ке си женит,
Ама му іе син-от гърдомазен:
Горна рилка дури до челбинка,
А долна-та дури до пояса.
Тук се чудит краль-от що да чинит,
От' ке земит не'ста от далеку,
От далеку от Легена града,
От Легена девет браким сестра.
Що му гответ големи пещежи:
Девет бракя девет кули азно,
Стара теща от сърма кошуля,
На кориля камни бесценети.
Тес' му готвит сабя дипленица,
Що се диплит двана'есет дипли,
Що се носит во бела пазу'а,
Що да сечит древя и каменя;
Що му готвит софра позлатена,
Що да седет седумдесет мина;
А на неа камни бесценети,
Да ручает и да вечераєт;
Без свекя, без бела борина,
От софра-та видело да имат.
Снаи му гответ ждребе тригодишно,
Що го 'ранет 'се со сувогрозіе,
Що да пливат преку црно море.
И си стана краля Латинина,
Си го кани Марка Кралевике,
Си го кани чесна кумашина.
Станал Марко рано во неделя,
Коня ко'ит мошне арджелио,

Плоча клажат от бели караграш,
Клинци клажат од жълта дукада.
Тога велит млада Марко'ица:
„Аіти Марко, мое господине!
Ще те тебе нужба дотерало,
Коня ко'иш 'олку арджелио?
Аль ке 'одиш на войска царе'а,
Аль ке 'одиш негдека на свадба?"
Тога велит Марко Кралевике:
„А егиди млада Марко'ице!
Яс не одам на войска царе'а,
Яс не одам негдека на свадба.
Ми допущил краля Латинина,
Що ме канил чесна кумашина.
Яс не одам чесна кумашина,
Тук промени наше мъшко дете,
Ке го пущам у краля на свадба."
И си стана млада Марко'ица
И си зеде свое мъшко дете,
Мъшко дете мелечек Огнена,
Му облече бурунджи кошуля,
Му облече от кафтан долама,
Му облече джубе нафелио,
А на гла'а самура калпага;
По пазу'и пак що му нареди?
Му нареди камни бесценети.
Дете греит, како іесно сънце.
Го качи'е на бързего коня.
И си стана млада Марко'ица,
Му целива коню църни очи:
„Коню, коню, жити църни очи!
Да ми вардиш мое мъшко дете,
Оту ми іе дете аджамиа!" —
„Гла'а, да'а, а дете не да'а."
И му рече Марко Кралевике:
„Аіти синко, малечек Огнене!
Ке те пуща у краля на свадба,
Ама немоі да ме пострамотиш,
Туку испат сакам да го сториш,
От' си, синко, Марко'о колено.

Да не пиеш вино и ракиа,
Да не ядиш манджи господарски,
Да не слегвиш от коня на земи;
Как те пущам, така да ми доідиш."
Ми отиде у краля на свадба;
Како татко що му наръчало,
Така дете збор-от му държало.
И ми наіде китени свато'и,
Що ми седет на диван високи;
Ядет, пиіет, кум-от го чекает,
Да ми одет п' 'уба'а не'еста.
И ми доіде Огнен добар юнак;
И се спущи краля Латинина,
Му целива на конь-от седло-то,
И го молит Огнена детенце,
Да му слезит от коня бързего,
Да го кла'т на чесна търпеза.
И му велит Огнен добар юнак:
„Аіти тебе краля Латинина!
Яс от татка изан не си зедоф,
Да си седна на чесна търпеза,
Да си пиям вино и ракиа,
Да ти ядам манджи господарски;
Со 'си коня на диван ке идам.
Аі земаі си китени свато'и,
Да одиме п' 'уба'а не'еста."
Тога велит краля Латинина;
„Аіти синко, аіти мили синко!
Да ме простиш, нещо ке ти кажам,
Сум те канил, а не сум ти казал:
Али можиш, синко, да ми одиш,
Да ми одиш зета аманета?"
Тога велит малечек Огненче:
„Аіти тебе краля Латинина!
Яс ти ида зета аманета,
Ако държиш збор, що ке ти речам;
Даро'и-те, що ке ме дарвеет,
Дараі мене, не'еста-та тебе;
Така ида зета аманета."
И му рече краля Латинина:

„Даро'і тебе, не'еста-та мене;
Туку да н'ме, синко, пострамотиш,
Кога ке іъ не'еста донесам,
Ке те кла'ам чесна кумашина."
Киниса'е китени свато'и,
Да ми одет п' 'уба'а не'еста,
Излего'е по бели друмо'и;
Непред 'одит малечек Огненче,
Си разигра своя бърза коня,
Дете греит како іесно сънце.
Го видо'е Легенки девоіки;
Тога велет Легенки девоіки:
„Леле боже, леле мили боже!
Бладзе маіка що родила юнак;
Наібладзе тая, що ке го любит!"
Отидо'е у Легена града,
Да земает 'уба'а не'еста.
Извади'е големи нещежи: —
130—132=11—13;
Стари-от тест сабя дипленица,
134—136=15—17
Си извади софра позлатена
138—142=19—23
Мили сна'и ждребе тригодишно,
Що го ране'е 'се со сувогрозіе,
Що да пливат преку църно море.
Си зедо'е 'уба'а не'еста.
Ми оделе сватоі що оделе,
Излего'е по краі църно море;
Ми пове'а еден ти'ок ветар,
Іе отвеал дулак от не'еста:
И іъ виде млада зетащина."
Тога велит 'уба'а не'еста:
„Леле боже, леле мили боже!
Бладзе маіка, що родила сина,
А побладзе я що ке го люба."
И ъ дочу малечек Огненче.
Тога велит малечек Огненче:
„Аіти тебе у'ба'а не'есто!
Не пули се, не'есто, во мене,

Тук пули се во 'иляда свато'і,
Коі ми имат рилка до челбинка,
Коі ми имат рилка до пояса,
Ти со него ке ми се кердосаш,
А ас сум ти зета аменета.“
Тога велит 'уба'а не'еста:
„Бог те убил краля Латинина!
Защ' ми кладе зета аманета;
Ако беше син ти гърдомазен,
Да не земат други даро'и-те!“
И му велит краля Латинина:
„А егиди малечек Огненче!
Не'еста-та пишман се сторила,
Не ти да'ат тебе даро'и-те.“
Се налюти мелечек Огненче,
Си извади сабя дипленица,
Іе пресече софра позлатена,
Тà іъ фърли в она църно море;
И си зеде девет кули азна,
Си 'и фърли в она църно море;
И го зеде ждребе тригодишно,
Го пресече преку поло'ина,
Си го фърли п' она църно море.
Тога рече 'уба'а не'еста:
„Али 'се що я да си прежалям,
Ама ждребе како да прежалям,
Три години що ми го раниле
Го раниле моі-те мили сна'и
'Се со шекер и со су'огрозіе!“
Се рассили малечек Огненче,
Іе пресече 'уба'а не'еста,
Си іъ фарли в она църно море;
Остра сабя от каменя скърши,
Си іъ фърли в она църно море.
И му рече малечек Огненче:
„А егиди краля Латинина!
Али виде Марко'о коленце?
Как да одит назод без даро'и,
Ти ке одиш назод без не'еста!“
Си разлюти Огнен бърза коня,

Си се фърли в она църно море,
Си преплива она църно море,
Си отиде при своі мили татко.
Марко седит на диван високи,
Го догледа дете от далеку,
И іе велит Марко Кралевике:
„Аіти тебе млада Марко'ице!
Нещо идет дете налютено.“
Кога доіде малечек Огненче,
Ми зборвеше мошне налютено.
И му рече Марко Кралевике:
„Що си́, синко, олку налютено?“
И му рече малечек Огненче:
„Яс не требит да сум налютено,
Туку требит сабя да истаргна,
Да ти зе'ам гла'а от рамена,
Оти кога да се опияниш,
Ти не знаиш тога, що да чиниш,
Со Латини побратимство чиниш;
Аль не знаиш оти се безверни?
Как нѐ кани, така не нѐ държа;
Не ме кладе чесна кумашина,
Тук' ме кладе зета аманета,
И ми такса 'се бели даро'и,
Даро'і мене, не'еста-та нему.
После краль-отъ пишман ми се стори,
Жаль му беше даро'и да земам,
Защо бе'а големи пещежи: —
228 — 243 = 11 — 26
'И исфарлив в она църно море
И даро'и и млада не'еста;
Яс ти доідоф назод без даро'и,
Тоі побегна назод без не'еста;
Испат сториф наша юнащина.“
Тога Марко дете го избаци,
Марко'ица коня го избаци.

61

ВОЙНИКЪ ОГНЕНЪ И НЕГОВАТА ЖЕНА.

(По Дебърско изговарянье, — записалъ М. Дриновъ).

Тая пѣсень записахъ въ Цариградъ отъ една пѣснопойкя, Темяна п. Георгиева изъ Галечникъ (Дебърско). Въ Цариградъ тя е дошла прѣди нѣколко време отъ отечеството си по единъ злочестъ за неѭ случай.

Двóрье метет млáда Огнéница,
Дворье метет грáдом слзи рòнит.
Сос слзи хи дворье запрáшоват,
Я дóгледа Огнéнови тáтко:
„Не бóрете сно'о Огненице!
„Шчо ми мéтеш мóи рáмни двóрье
„И ми рóниш слзи по óбрази, —
„Али ти се вино дотóчило,
„Али ти се 'азно дóброило,
„Али ти се тебе сдодéяло,
„Чекáеки госте приятели?
Му гóворит млада Огненица:
— Не боре те мои мили татко!
— Ни пак ми се вино доточило,
— Ни пак ми се 'азно доброило,
— Ни пак ми се мене сдодеяло,
— Чекаеки госте приятели;
— Ток се пуля на рамни друмови,
— Шчо ми идет войници од войска
— Шчо го немат Огнен добор юнак,
— Ами идет коня Огненова,
— И ми носит сéдло наóпако,
— И ми носит баряк завúено.
— Али негде Огнен ми умрело,
— Али ми се негде преженило?
Ми говорит Огненови татко:
„Не боре те сно'о Огненице!
„Ал за тея ка'ар те фатило?
„Са кя пойда на рамни друмови
„Ке и пита войници од войска,
„Ке ми кажат абер за Огнена“.
Си Отиде Огненови татко,
Си отиде на рамни друмови,
Си пречека войници од войска, —
Им говорит Огненови татко:

„Не боре ве войници од войска!
„Кажйте ми 'абер за Огнена:
„Али негде Огнен ми умрело.
„Али ми се негде праженило?“
Му говорет войници од войска;
— Не боре те Огненови татко!
— Ак' ни питаш, право ке кажиме:
— Не ми умрел Огнен добор юнак,
— Токо ми се Огнен преженило,
— Се прежени во Едрене-града
— Го прелога Тодора робиня.
Си киниса Огненови татко,
Шчо си идет по рамни друмови
И си носит Огненова коня,
Шчо мм носит седло на опако
И си носит баряк завиено, —
Шчо си идет по рамни друмови
И си ронит слзи по образи.
Го догледа млада Огненица:
„Не боре те мои мили татко!
Шчо ми идеш, дробни слзи рониш:
Али Огнен негде му умрело,
Али ми се негде преженило?“
Ѥ говорит Огненови татко:
„Не боре те сно'о Огненице!
„Харно Огнен да беше умрело,
„Шчо дека се Огнен преженило!“
Му говорит млада Огненица:
— Млчи, татко, да би онемило!
— Ако ли се Огнен преженило,
— Я кя тебе ука те науча:
— Да слечеме руво капитанско,
— Д' облечеме руво за просенье, —
— Ке бидеме просач и просачка.
— Ке шетаме земля по краина,
— Ке по'еме во Едрене-гра́да,
— Ке по'еме Огнену на порти,
— Ке ни видит ке му се дожалит.
Я послуша Огненови татко, —
Си слекое руво капитанско,

Облекое руво за просенье,
Кинисае земля да шетает:
Ми 'одее, шо ми по'одее,
Ми пойдое во Едрене-града,
Ми пойдое на чешма студена,
Близо беше край Огнен добор юнак.
Си седнае просач и просачка,
Си седнае на студен кла'енец, —
Ми седее, шо ми поседее,
Ми дофтаса дете измекярче;
В рока носи стребрена ибрика,
Да си лее студена водица...
Му се молет просач и просачка:
„Так ми Бога дете измекярче!
Нел' подай ми стребрена ибрика,
Да с' напия студена водица.“
—Ид' от туе просач и просачка!
— Не ти дава стребрена ибрика,
— Шо ми пие Огнен добор юнак,
Пак се молит просач и просачка,
Му се молит, дробни слзи ронит.
Жал му падна, дете исмекярче,—
Ѥ подаде стребрена ибрика.
Не се напи млада Огненица,
Не се напи студена водица, —
В ибрик пушти прстен му'урлия —
Си отиде дете измекярче, —
Му подаде н' Огнен добор юнак,
Му подаде стребрена ибрика;
Си се напи студена водица,
И му доде прстен му'урлия
Кога виде Огнен, шчо да видит!
От си викна дете измекярче:
„Не боре те дете измекярче:
„Кой ти зеде стребрена ибрика?
— На борете Огнен добор юнак!
— Туй си найдоф просач и просачка,
— Ми зедое стребрена ибрика,
— Се напие студена водица.
От се найде Огнен добор юнак,

Си се найде на юначки нодзи,
И си зеде коня карамана, —
От се фрли коню в половина,
От си пойде на студена вода,
Туй си найде просач и просачка. —
Кога виде Огнен, шчо да видит!
От си види свои стари татко,
И си виде млада Огненица
От ѝ зеде Огнен добор юнак,
И им свлече руво за просенье,
Им облече руво капитанско, —
И си зеде млада Огненица,
Си остави Тодора робиня,
Си я тури млада измекярка.

44

Сѫбрале са триста краля,
Триста краля, двѣсте бана,
Да си ѣдатъ, да си пиятъ
И веселба да си чинатъ.
Задрѣмалъ е войводата,
Дрѣмка дрѣме, сѫнъ сѫнува
За маджарска равна земя,
За хубаво равно поле.
Проговарятъ кралйовете,
Кралйовете, бановете:
„Ей, Янкуле, добаръ юнакъ,
Разбуди са, расдрѣми са,
Провикни са, запѣй пѣсень.“
Янкула имъ отговаря:
„Ей ви вазе, триста краля,
Триста краля, двѣсте бана,
Кой е юнакъ надъ юнаци, —
Да измями Крали Марка,
Да му земе шаркулия,
Шаркулия, млада булка,
Тѫнка сабля самодивска?
Исправи са младо момче,
Младо момче латиненче, —
На кралйове отговаря:
„Азъ ща Марка да измама,
Да му зема шаркулия,
Шаркулия, млада булка, —
Тѫнка сабля самодивска.“
Станале сѫ, утишле сѫ
Вовъ Маркови равни двори,
Па си Марку тихо думатъ:
„Хайде, Марко, кумъ да бѫдешъ,
Че имаме цвѣтна (!) свадба, —
Нарѣдихме побащиме,
Побащиме, помайчими,
А нѣмаме кой да дѫржи
Златни вѣнци, тѫнки мрѣжи.“
Стана Марко, приготви са,
Приготви са кумъ да бѫде,
А Янкула проговаря:
„Ой та тебе, Крали Марко,
Въ наша земя обичь има
Самъ си кумътъ да не ходи,
А да прати добра коня,

Да покачатъ млада булка.“
Измами са Крали Марко,
Та си прати шаркулия.
Излѣзле сѫ, утишле сѫ
Въ долня земя каменита
Вовъ Прилепско равно поле,
До Маркови чемширъ порти,
Чемширъ порти, златни ключи.
Потропаха, почукаха.
Повикаха да отворатъ:
„Излѣзъ, излѣзъ, Кралйовице,
Че ни прати Крали Марко,
Да та земемъ да кумувашъ, —
Той остана на свадбата
Да приготви вити вѣнци,
Да опече вакло ягне,
Да промѣни дрѣбни пари,
Да пречисти ичимикътъ…
Марко прати шаркулия, —
Стани, иди, премѣни са,
Като кума предъ сватове.“
Измами са Марковица,
Повжрна са, премѣни са:
Ѣхнале сѫ, утишле сѫ
Въ латинските равни двори…
Свадба правать, веселатъ са, —
Дошалъ попътъ да вѣнчава
Младо момче латиненче
Съ Марковица Кралйовица.
Станалъ Марко кумъ да бѫде,
Марковица позна Марка, —
Той не може да познае
Свойта жена, пжрво либе.
Тя го глѣда и настжпва,
На Марка са криво видя,
Па захвана да я псува:
„Ей та тебе млада булко,
Латинянко, курветино,
Че що си са распалила,
Като курва цариградска?“
Продума му Марковица:
„Не сжмъ азе латинянка,
Ами сжмъ ти пжрво либе, —
Я откри ми тжнко було,
Па поглѣдай въ черни очи,
Въ черни очи, въ бѣло лице,
И ще видишъ, че сме двама
Излжгани, измамени.“
Кога Марко това зачу,
Той извика намусено:
„Ей ви вазе, латинянци,
Азе трѣба да ви дара:
Побащиме съ аленъ герданъ,
Дѣверете съ червенъ качулъ,
Стари сватътъ съ багрѣница (?);
Да са помни и приказва,
Какъ кумува Крали Марко.“
Па извади остра сабля
И изсѣче сичка свадба,
Сичка свадба латинянска,
Латинянска, дукатинска.

(Нарѣчието и е Коприщенско).

ЖЕНИДБА КРАЉА ВУКАШИНА.

Књигу пише Жура Вукашине
У бијелу Скадру на Бојани,
Те је шаље на Херцеговину
Бијеломе граду Пирлитору,
Пирлитору према Дурмитору,
Видосави љуби Момчиловој;
Тајно пише, а тајно јој шаље,
У књизи јој овако бесједи:
„Видосава, Момчилова љубо!
„Шта ћеш у том леду и снијегу?
„Кад погледаш с града изнад себе,
„Ништа немаш лијепо виђети,
„Већ бијело брдо Дурмитора
„Окићено ледом и снијегом
„Усред љета, као усред зиме;
„Кад погледаш стрмо испод града,
„Мутна тече Тара валовита,
„Она ваља дрвље и камење,
„На њој нема брода ни ћуприје,
„А око ње борје и мраморје.
„Већ ти отруј војводу Момчила,
„Ил' га отруј, или ми га издај,
„Ходи к мени у приморје равно
„Бијеломе Скадру на Бојану,
„Узећу те за вјерну љубовцу,
„Па ћеш бити госпођа краљица,
„Прести свилу на златно вретено,
„Свилу прести, на свили сједити,
„А носити диву и кадиву
„И још оно све жежено злато.
„А какав је Скадар на Бојани!
„Кад погледаш брду изнад града,
„Све порасле смокве и маслине
„И још они грозни виногради;
„Кад погледаш стрмо испод града,
„Ал' узрасла шеница бјелица,
„А око ње зелена ливада,
„Кроз њу тече зелена Бојана,

„По њој плива риба свакојака,
„Кадгођ хоћеш, да је тазе једеш.“
Дође књига љуби Момчиловој,
Књигу гледа љуба Момчилова,
Ону гледа, другу ситну пише:
„Господине, краљу Вукашине,
„Није ласно издати Момчила,
„Ни издати, нити отровати:
„У Момчила сестра Јевросима,
„Готови му то господско јело,
„Прије њега јело огледује;
„У Момчила девет миле браће
„И дванаест прво-братучеда,
„Они њему рујно вино служе,
„Прије њега сваку чашу пију;
„Момчил’ има коња Јабучила,
„Јабучила коња крилатога,
„Кудгођ хоће, прелећети може;
„У Момчила сабља са очима; —
„Не боји се никога до Бога.
„Већ ме чу ли, краљу Вукашине!
„Ти подигни млогу силну војску,
„Изведи је на Језера равна,
„Пак засједни у гори зеленој:
„У Момчила чудан наук има,
„Свако јутро у свету неђељу
„Рано рани у лов на Језера
„С’ собом води девет миле браће
„И дванаест прво-братучеда
„И четръест од града левера;
„Када буде у очи неђеље,
„Ја ћу спалит’ крила Јабучилу,
„Бритку ћу му сабљу затопити,
„Затопити оном сланом крвљу,
„Да се не да извадит’ из кора; —
„Тако ћеш ти погубит’ Момчила.“
Када краљу така књига дође,
Те он виђе, што му књига каже,
То је њему врло мило било,
Па он диже млогу силну војску,

Оде с војском на Херцеговину,
Изведе је на Језера равна,
Пак засједе у гори зеленој.
Кад је било у очи неђеље,
Момчил' оде у своју ложницу,
Па он леже у меке душеке;
Мало прође и љуба му дође,
Али не ће у меке душеке,
Већ му рони сузе више главе,
А њу пита војвода Момчило:
„Видосава, моја вјерна љубо!
„Кака ти је голема невоља,
„Те ми рониш сузе више главе?“
Ал' говори млада Видосава:
„Господару, Момчило војвода!
„Мени није никаке невоље,
„Већ сам чула једно чудно чудо,
„Чула јесам, ал' нисам виђела,
„Да ти имаш коња Јабучила,
„Јабучила, коња крилатога,
„Ја не виђех твоме коњу крила,
„Те не могу млада вјеровати;
„Већ се бојим, хоћеш погинути.“
Мудар бјеше војвода Момчило,
Мудар бјеше, ал' се преварио,
Својој љуби тако бесједио:
„Видосава, вјерна моја љубо!
„За то ћу те ласно утјешити,
„Ти ћеш ласно виђет' чилу крила:
„Када први запјевају п'јевци,
„Ти отиди у нове ахаре,
„Тад' ће чиле попуштити крила,
„Тад' му можеш крила сагледати“.
Пак он леже санак боравити.
Момчил' спава, љуба му не спава,
Веће слуша млада у душеку,
Кад ће први п'јевци запјевати.
А кад први п'јевци запјеваше,
Скочи млада из мека душека,
Запалила фењер и свијећу,

Па узима лоја и катрана.
Оде право у нове ахаре;
Ал' истина, што Момчило каже,
Јабучило крила попуштио,
Попуштио крила до копита.
Таде она крила намазала,
Намаза их лојем и катраном,
Па свијећом крила запалила,
Те сапали крила Јабучилу,
Што не могла ватром сагорети,
То под колан притегнула тврдо;
Онда млада оде у ризницу,
Доватила сабљу Момчилову,
Те је сланом затопила крвљу, —
Пак се врну у меке душеке.
Кад у јутру зора заб'јелила,
Поранио војвода Момчило,
Па говори љуби Видосави:
„Видосава, моја вјерна љубо!
„Ја сам ноћас чудан сан уснио,
„Ђе се пови један прамен магле
„Од проклете земље Васојеве,
„Пак се сави око Дурмитора,
„Ја ударих кроз тај прамен магле
„Са мојијех девет миле браће
„И с дванаест прво-братучеда
„И четръест од града левера,
„У магли се, љубо, растадосмо,
„Растадосмо, пак се не састасмо;
„Нека Бог зна, добра бити не ће.“
Вели њему љуба Видосава:
„Не бој ми се, мили господару!
„Добар јунак добар сан уснио;
„Сан је лажа, а Бог је истина.“
Опреми се војвода Момчило,
Па он сиђе низ бијелу кулу,
Дочека га девет миле браће
И дванаест прво-братучеда
И четръест од града левера,
А љуба му изведе чилаша,

Добријех се коња доватише,
Отидоше у лов на Језера.
Кад су били надомак Језера,
Оптече их она силна војска.
Кад Момчило опазио војску,
Он потеже сабљу од бедрице,
Ал' се пуста не да извадити,
Као да је за коре прирасла.
Онда рече војвода Момчило:
„Чујете ли, моја браћо драга!
„Издаде ме куја Видосава,
„Но дајте ми сабљу понајбољу."
Хитро су га браћа послушала,
Дадоше му сабљу понајбољу,
Па је Момчил' браћи бесједио:
„Чујете ли, моја браћо драга!
„Ви ударите војсци по крајима,
„Ја ћ' ударит' војсци по сриједи."
Мили Боже, чуда великога!
Да је коме погледати било,
Како с'јече војвода Момчило,
Како крчи друма низ планину;
Више тлачи коњиц Јабучило,
Нег' што Момчил' бритком сабљом с'јече.
Ал' га лоша срећа сусретнула:
Кад изиђе према Пирлитору,
Сусрете га девет враних коња,
А на њима брата ни једнога!
То кад виђе војвода Момчило,
У јунака срце препукнуло
Од жалости за браћом рођеном,
Бијеле му малаксаше руке;
Те не може више да сијече,
Већ удара коња Јабучила,
Удара га чизмом и мамузом,
Да полети граду Пирлитору.
Ал' му коњиц полећет' не може;
Куне њега војвода Момчило:
„Јабучило, изјели те вуци!
„Из шале смо одавде лећели,

„Без невоље, тек од обијести,
„А данас ми полећети не ћеш!“
Ал' му коњиц њиском одговара:
„Господару, војвода Момчило!
„Нит' ме куни, чити ме нагони,
„Данас теби полећет' не могу;
„Бог убио твоју Видосаву!
„Она ми је сапалила крила;
„Што не могла ватром сагорети,
„То под колан притегнула тврдо;
„Веће бјежи, куда теби драго.“
Кад то зачу војвода Момчило,
Проли сузе низ јуначко лице,
Па одскочи од коња чилаша,
Трипут скочи, до града доскочи,
Али граду врата затворена,
Затворена и замандаљена!
Кад се Момчил' виђе на невољи,
Он дозивље сестру Јевросиму:
„Јевросима, моја мила сејо!
„Пушти мени једну крпу платна,
„Не бих ли ти у град утекао.“
Сеја брату кроз плач одговара:
„А мој брате, војвода Момчило!
„Како ћу ти пуштит' крпу платна,
„Кад је мени снаха Видосава,
„Моја снаха, твоја невјерница,
„Савезала косе за диреке?“
Ал' је сестра срца жалостива,
Жао јој је брата рођенога,
Она цикну, како љута гуја,
Ману главом и осталом снагом,
Из главе је косе ишчупала,
Оставила косе на диреку,
Па довати једну крпу платна,
Претури је граду низ бедене.
Момчил' вати ону крпу платна.
Па се пење граду уз бедене,
Готов' бјеше у град ускочити:
Ал' долеће љуба невјерница,

Оштру сабљу носи у рукама,
Пресјече му платно више руку,
Момчил' паде граду низ бедене,
Краљеве га дочекаше слуге
На мачеве и на копља бојна,
На нацаке и на буздоване;
А допаде краљу Вукашине,
Удари га оним бојним копљем,
Удари га посред срца жива.
Ал' говори војвода Момчило:
„Аманет ти, Вукашине краљу:
„Ти не узми моју Видосаву,
„Видосаву, моју невјерницу,
„Јер ћ' и твоју изгубити главу,
„Данас мене у тебе издала,
„А сјутра ће тебе у другога;
„Већ ти узми моју милу сеју,
„Сеју моју милу, Јевросиму,
„Она ће ти свагда вјерна бити,
„Родиће ти, к'о и ја, јунака."
То говори, војвода Момчило,
То говори, а с душом се бори,
То изусти, лаку душу пусти.
Кад погибе Момчило војвода,
А граду се отворише врата,
Пак изиђе куја Видосава,
Те дочека краља Вукашина,
Одведе га на бијелу кулу,
Посади га у столове златне,
Угости га вином и ракијом
И господском сваком ђаконијом;
Па отиде у ризницу млада
Изнесе му рухо Момчилово,
Момчилово рухо и оружје.
Ал' да видиш чуда великога:
Што Момчилу било до кољена,
Вукашину по земљи се вуче;
Што Момчилу таман калпак био,
Вукашину на рамена пада:
Што Момчилу таман чизма била,

Ту Вукашин обје ноге меће;
Што Момчилу златан прстен био,
Ту Вукашин три прста завлачи;
Што Момчилу таман сабља била,
Вукашину с' аршин земљом вуче;
Што Момчилу таман ћеба била,
Краљ се под њом ни дигнут' не може.
Тад говори краље Вукашине:
„Авај мени, до Бога милога!
„Нуто курве младе Видосаве!
„Кад издаде оваког јунака,
„Кога данас у свијету нема,
„То ли мене сјутра издат' не ће!“
Па повикну своје вјерне слуге,
Уватише кују Видосаву,
Свезаше је коњма за репове,
Одбише их испод Пирлитора,
Те је коњи живу растргоше.
Краљ похара дворе Момчилове,
Па он узе сестру Момчилову,
По имену дилбер-Јевросиму,
Одведе је Скадру на Бојану,
И вјенча је себи за љубовцу,
Шњом лијепи пород изродио,
Породио Марка и Андрију.
А Марко се тури на ујака,
На ујака војводу Момчила.

УРОШ И МРЉАВЧЕВИЋИ.

Састала се четири табора
На убаву на пољу Косову
Код бијеле Самодреже цркве:
Једно табор Вукашина краља,
Друго табор деспота Угљеше,
Треће табор војеводе Гојка,
А четврто царевић-Уроша;
Цареви се отимљу о царство,
Међу се се хоће да поморе,

Злаћенима да пободу ножи,
А не знаду, на коме је царство.
Краљ Вукашин вели: „На мене је;“
Деспот Угљеш: „Није, нег' на мене“;
Војвод' Гојко: „Није, нег' на мене;“
Ћути нејак царевић Урошу,
Ћути д'јете, ништа не бесједи,
Јер не смије од три братијенца,
Братијенца, три Мрњавчевића.
Пише књигу Вукашине краљу,
Пише књигу и шиље чауша
До Призрена града бијелога
До онога протопоп-Недељка,
Нека дође на Косово равно,
Да он каже, на коме је царство;
Он је св'јетла цара причестио,
Причестио и исповједио,
У њега су књиге староставне.
Пише књигу деспоте Угљеша,
Пише књигу и шиље чауша
До Призрена града бијелога,
До онога протопоп-Недељка;
Трећу пише војевода Гојко,
И он шиље огњена чауша;
А четврту царевић Урошу,
Пише књигу и шиље чауша: —
Сва четири ситне књиге пишу
И пошиљу огњене чауше
Све потајно један од другога.
Састаше се четири чауша
У Призрену граду бијеломе
Код дворова протопоп-Недељка;
Али прота дома не бијаше,
Но у цркви бјеше на јутрењи,
На јутрењи и на летурђији.
Кол'ко с' силни огњени чауши,
Колико су силни од силнијех,
Те не кћеше коње одјахати,
Но у цркву коње нагонише,
Потегоше плетене канџије,

Ударају протопоп-Недељка:
„Брже хајде, протопоп-Недељко,
„Брже хајде на Косово равно,
„Да ти кажеш, на коме је царство;
„Ти си св'јетлог цара причестио,
„Причестио и исповједио,
„У тебе су књиге староставне;
„Ја л' ћеш сада изгубити главу."
Сузе рони протопоп-Недељко,
Сузе рони, па њима говори:
„Одбите се силни од силнијех,
„Док у цркви закон савршимо,
„Знати ће се, на коме је царство."
Тако су се они узмакнули.
А кад закон Божји савршише,
Изљегоше пред бијелу цркву,
Тад' говори протопоп-Недељко:
„Ђецо моја, четири чауша!
„Ја сам св'јетла цара причестио,
„Причестио и исповједио,
„Ал' га нисам питао за царство,
„Већ за грије, што је сагр'јешио;
„Но идите у Прилипа града
„До дворова Краљевића Марка,
„А до Марка, до мојега ђака,
„Код мене је књигу научио,
„Код цара је Марко писар био,
„У њега су књиге староставне,
„И он знаде, на коме је царство;
„Ви зовите на Косово Марка,
„Хоће Марко право казивати,
„Јер се Марко не боји никога,
„Разма једног Бога истинога."
Отидоше четири чауша,
Отидоше ка Прилипу граду,
Б'јелу двору Краљевића Марка.
Кад су били пред бијеле дворе,
Ударише звекиром на врата,
То зачула Јевросима мајка,
Па дозива свога сина Марка:

„Сине Марко, моје чедо драго!
„Тко удара звекиром на врата?
„Баш ка' да су бабови чауши.“
Уста Марко те отвори врата,
Чауши се поклонише Марку:
„Божја т' помоћ, господару Марко!“
А Марко их омилова руком:
„Добро дошли, моја ђецо драга!
„Јесу л' здраво Србљи витезови,
„И честити цареви и краљи?
Чауши се смјерно поклонише:
„Господару Краљевићу Марко!
„Све је здраво, али није мирно:
„Господа се тешко завадила
„На Косову пољу широкоме
„Код бијеле Самодреже цркве,
„И они се отимљу о царство,
„Међу се се хоће да поморе,
„Злаћенима да пободу ножи,
„А не знаду, на коме је царство;
„Тебе зову на Косово равно,
„Да им кажеш, на коме је царство.“
Оде Марко у господске дворе,
Пак дозива Јевросиму мајку:
„Јевросима, моја мила мајко!
„Господа се јесу завадила
„На Косову пољу широкоме
„Код бијеле Самодреже цркве,
„И они се отимљу о царство,
„Међу се се хоће да поморе,
„Злаћенима да пободу ножи,
„А не знаду, на коме је царство;
„Мене зову на поље Косово,
„Да им кажем, на коме је царство.“
Кол'ко Марко тежио на правду,
Тол'ко моли Јевросима мајка:
„Марко, сине једини у мајке!
„Не била ти моја рана клета,
„Немој, сине, говорити криво
„Ни по бабу, ни по стричевима,

„Већ по правди Бога истинога,
„Немој, сине, изгубити душе;
„Боље ти је изгубити главу,
„Него своју огр'јешити душу.“
Узе Марко књиге староставне,
Па опреми себе и Шарина,
Шарину се на рамена баци,
Отидоше у Косово равно.
Кад су били краљеву шатору,
Рече таде Вукашине краљу:
„Благо мене до Бога милога!
„Ето мене мога сина Марка,
„Он ће казат', на мене је царство,
„Од оца ће останути сину.“
Марко слуша, ништа не говори,
На шатора не окреће главу.
Кад га виђе Угљеша војвода,
Тад Угљеша ријеч говорио:
„Благо мене, ето ми синовца,
„Он ће казат', на мене је царство;
„Кажи, Марко, на мене је царство,
„Оба ћемо братски царовати.“
Шути Марко, ништа не бесједи,
На шатора не окреће главу.
Кад га виђе војевода Гојко,
Таде Гојко ријеч говорио:
„Благо мене, ето ми синовца,
„Он ће казат', на мене је царство;
„Кад је Марко још нејачак био,
„Ја сам Марка врло миловао,
„У свилена њедра увијао,
„Кано красну од злата јабуку;
„Куд сам гође на коњу ходио,
„Све сам Марка са собом водио;
„Кажи, Марко, на мене је царство,
„Ти ћеш Марко први царовати,
„А ја ћу ти бити до кољена.“
Шути Марко ништа не говори,
На шатора не окреће главу,
Право оде бијелу шатору,

Ка шатору нејака Уроша,
Догна Шарца цару до шатора,
Онђе Марко Шарца одсједнуо.
Кад га виђе нејаки Урошу,
Лако скочи са свил'на душека,
Лако скочи, паке проговори:
„Благо мене, ето мога кума,
„Ето кума, Краљевића Марка!
„Он ће казат', на коме је царство."
Руке шире, у грла се грле,
У бијело цјеливају лице,
За јуначко питају се здравље,
Па сједоше на свил'на душека.
Тако мало време постајало,
Данак прође, тавна ноћца дође.
Кад у јутру јутро освануло,
И пред црквом звона ударише,
Сва господа дошла на јутрење,
У цркви су службу савршили,
Изљегоше из бијеле цркве,
У столове пред цркву сједнули,
Шећер ију, а ракију пију,
Марко узе књиге староставне,
Књиге гледа, а говори Марко:
„А мој бабо, Вукашине краљу!
„Мало л' ти је твоје краљевине?
„Мало л' ти је? Остала ти пуста!
„Већ с' о туђе отимате царство.
„А ти стриче, деспоте Угљеша!
„Мало л' ти је деспотства твојега?
„Мало л' ти је? Остало ти пусто!
„Већ с' о туђе отимате царство.
А ти стриче, војевода Гојко!
„Мало л' ти је војводства твојега?
„Мало л' ти је? Остало ти пусто!
„Већ с' о туђе отимате царство.
„Видите ли, Бог вас не видио?
„Књига каже, на Урошу царство,
„Од оца је остануло сину,
„Ђетету је од кољена царство.

„Њему царство царе наручио
„На самрти кад је починуо.“
Кад то зачу Вукашине краљу,
Скочи краљу од земље на ноге,
Па потрже злаћена ханџара,
Да убоде свога сина Марка.
Бјежи Марко испред родитеља,
Јер се њему, брате, не пристоји
Са својим се бити родитељем,
Бјежи Марко око б'јеле цркве,
Око б'јеле цркве Самодреже,
Бјежи Марко, а ћера га краљу,
Док су три пут коло саставили
Око б'јеле Самодреже цркве,
Готово га бјеше сустигао,
Ал' из цркве нешто проговара:
„Бјеж' у цркву, Краљевићу Марко!
„Видиш, ђе ћеш данас погинути,
„Погинути од свог родитеља,
„А за правду Бога истинога.“
Црквена се отворише врата,
Марко бјежи у бијелу цркву,
За њиме се врата затворила.
Краљ допаде на црквена врата,
По диреку удари ханџаром,
Из дирека крвца покапала;
Тад' се краље био покајао,
Те је ријеч био говорио:
„Леле мене до Бога једнога,
„Ђе погубих свога сина Марка!“
Ал' из цркве нешто проговара:
„А чујеш ли? Вукашине краље?
„Ти нијеси посјекао Марка,
„Већ пос'јече Божјега анђела.“
На Марка је врло жао краљу,
Те га љуто куне и проклиње:
„Сине Марко, да те Бог убије!
„Ти немао гроба ни порода!
„И да би ти душа не испала,
„Док Турскога цара не дворио!“

Краљ га куне, цар га благосиља:
„Куме Марко, Бог ти помогао!
„Твоје лице св'јетло на дивану!
„Твоја сабља сјекла на мејдану!
„Нада те се не нашло јунака!
„Име ти се свуда спомињало,
„Док је сунца и док је мјесеца!'
Што су рекли, тако му се стекло.

Marko Kraljević i brat mu Andriaš.

Pojdoše vozeći, kude sami htihu,
luku obhodeći, gdi ju našli bihu.
K Suletu gredihu, držeć se vrh vitra,
u tom višća bihu ona dva i hitra.
Bud da vitarac mal, lipotom ča znahu
od zdol biše ustal, još većši čekahu.
Malo povozivši, pri ner se umori,
riči potočivši, Nikola govori:
recimo po jednu, za vrime minuti,
bugaršćinu srednu, i za trud ne čuti;
da Srbskim načinom, moj druže primili,
kako meu družinom vasda smo činili;
koko da se utiče, jer biše od volje,
sam Paskoj pokliče ča može najbolje:
Pask. „Dva mi sta siromaha dugo vrime drugovala,
lipo ti sta drugovala i lipo se dragovala,
lipo plinke dilila, i lipo se razdiljala,
i razdiliv se, opet se sazivala.
Već mi nigda zarobiše tri junačke dobre konje
dva siromaha,
tere sta dva konjica mnogo lipo razdilila.
O tretjega ne mogoše junaci se pogoditi,
neg li su se razgnivala, i mnogo se sapsovala.
Ono to mi ne bihu, družino, dva siromaha,
da jedno mi biše vitez Marko Kraljeviću,
vitez Marko Kraljeviću i brajen mu Andriašu,
mladi vitezi
Tuj si Marko potrže svitlu sablju pozlaćenu,

i udari Andriaša brajena u srdašce.
On mi ranjen prionu za njegovu desnu ruku,
tere knezu Marku po tihora besijaše:
jeda mi te mogu, mili brate, umoliti,
ne moj to mi vaditi sabljice iz srdašca,
mili brajene,
dokle ti ne naručam do dvi i do tri beside.
Kada dojdeš, kneže Marko, k našoj majci junačkoj,
ne moj to joj, ja te molim, kriva dila učiniti,
i moj dil ćeš podati, kneže Marko, našoj majci,
zašto si ga nigdar veće od mene ne dočeka.
Ak li te bude mila majka uprašati,
viteže Marko:
što mi ti je, sinko, sabljica sva krvava?
ne moj to joj, mili brate, sve istinu kazovati,
ni naju majku nikako zlovoljiti;
da reci to ovako našoj majci junačkoj:
susrite me, mila majko, jedan tihi jelenčac,
koji mi se ne hti s drumka ukloniti,
junačka majko,
ni on meni, mila majko, ni ja njemu.
I tuj stavši, potrgoh moju sablju junačku,
i udarih tihoga jelenka u srdašce,
i kada ja pogledah onoga tiha jelenka,
gdi se htiše na drumku s dušicom razdiliti,
vide mi ga milo biše, kako mojega brajena,
tihoga jelenka,
i da bi mi na povrate, ne bih ti ga zagubio.
I kada te jošće bude naju majka uprašati:
da gdi ti je, kneže Marko, tvoj brajen Andriašu?
ne reci mi našoj majci istine po ništore;
ostao je, reci, junak, mila majko, u tujoj zemlji,
iz koje se ne može od milin'ja oddiliti,
Andriašu;
onde mi je obljubio jednu gizdavu devojku.
I odkle je junak tuj devojku obljubio,
nikad veće nije pošal sa mnome vojevati,
sa mnome nije veće ni plinka razdilio.
Ona t' mu je dala mnoga bil'ja nepoznana,
i onoga vinca junaku od zabit'ja,

gizdava devojka.
Li u skori mu se hoćeš, mila majko, nadati.
A kad na te napadu gusari u crnoj gori,
ne moj to se prid njimi, mili brate, pripadnuti,
da iz glasa poklikni brajena Andriaša;
bud da me ćeš zaman, brate, pri potribi klikovati,
kada mi te začuju moje ime klikujući,
kleti gusari,
taj čas će se od tebe junaci razbignuti,
kako su se vazda krat, brajene, razbigovali,
kada su te začuli moje ime klikovati;
a neka da ti vidi tvoja ljubima družina,
koji me si tvoga brata brez krivine zagubio!
Vesel budi, gospodaru, i vesela ti družina,
naš gospodaru!
Ova pisan da bude tvoj milosti na počten'je".

КОСОВКА ДЈЕВОЈКА.

Уранила Косовка девојка,
Уранила рано у недељу,
У недељу прије јарка сунца,
Засукала бијеле рукаве,
Засукала до бели лаката,
На плећима носи леба бела,
У рукама два кондира златна,
У једноме лађане водице,
У другоме руменога вина;
Она иде на Косово равно,
Па се шеће по разбоју млада,
По разбоју честитога кнеза,
Те преврће по крви јунаке;
Ког јунака у животу нађе,
Умива га лађаном водицом,
Причешћује вином црвенијем
И залаже лебом бијелијем.
Намера је намерила била
На јунака Орловића Павла,
На кнежева млада барјактара,

И њега је нашла у животу,
Десна му је рука осечена
И лијева нога до колена,
Вита су му ребра изломљена,
Виде му се џигерице беле.
Измиче га из те млоге крвце,
Умива га лађаном водицом,
Причешћује вином црвенијем
И залаже лебом бијелијем.
Кад јунаку срце заиграло,
Проговара Орловићу Павле:
„Сестро драга, Косовко девојко!
„Која ти је голема невоља,
„Те преврћеш по крви јунаке?
„Кога тражиш по разбоју млада?
„Или брата или братучеда?
„Ал’ по греку стара родитеља?“
Проговара Косовка девојка:
„Драги брато, делијо незнана!
„Ја од рода никога не тражим:
„Нити брата, нити братучеда,
„Ни по греку стара родитеља;
„Мож’ ли знати делијо незнана,
„Кад кнез Лаза причешћива војску
„Код прекрасне Самодреже цркве,
„Три недеље тридест калуђера?
„Сва се српска причестила војска,
„Најпослије три војводе бојне;
„Једно јесте Милошу војвода,
„А друго је Косанчић Иване,
„А треће је Топлица Милане;
„Ја се онде деси на вратима,
„Кад се шета војвода Милошу,
„Красан јунак на овоме свету,
„Сабља му се по калдрми вуче,
„Свилен калпак, оковано перје,
„На јунаку коласта аздија,
„Око врата свилена марама,
„Обазре се и погледа на ме,
„С’ себе скиде коласту аздију,

„С' себе скиде, па је мени даде:
„„На, девојко, коласту аздију,
„„По чему ћеш мене споменути,
„„По аздији по имену моме:
„„Ево т' идем погинути, душо,
„„У табору честитога кнеза;
„„Моли Бога, драга душо моја,
„„Да ти с' здраво из табора вратим,
„„А и тебе добра срећа нађе,
„„Узећу те за Милана мога,
„„За Милана Богом побратима,
„„Кој' је мене Богом побратио,
„„Вишњим Богом и светим Јованом;
„„Ја ћу теби кум венчани бити.“ “
„За њим иде Косанчић Иване,
„Красан јунак на овоме свету,
„Сабља му се по калдрми вуче,
„Свилен калпак, оковано перје,
„На јунаку коласта аздија,
„Око врата свилена марама,
„На руци му бурма позлаћена,
„Обазре се и погледа на ме,
„С руке скиде бурму позлаћену,
„С руке скиде, па је мени даде:
„„На, девојко, бурму позлаћену,
„„По чему ћеш мене споменути,
„„А по бурми по имену моме:
„„Ево т' идем погинути, душо,
„„У табору честитога кнеза;
„„Моли Бога, моја душо драга,
„„Да ти с' здраво из табора вратим,
„„А и тебе добра срећа нађе,
„„Узећу те за Милана мога,
„„За Милана Богом побратима,
„„Кој' је мене Богом побратио,
„„Вишњим Богом и светим Јованом;
„„Ја ћу теби ручни девер бити.“ “
„За њим иде Топлица Милане,
„Красан јунак на овоме свету,
„Сабља му се по калдрми вуче,

„Свилен калпак, оковано перје,
„На јунаку коласта аздија,
„Око врата свилена марама,
„На руци му копрена од злата,
„Обазре се и погледа на ме,
„С руке скиде копрену од злата,
„С руке скиде, па је мени даде:
„„На, девојко, копрену од злата,
„„По чему ћеш мене споменути,
„„По копрени по имену моме:
„„Ево т' идем погинути, душо,
„„У табору честитога кнеза;
„„Моли Бога, моја душо драга,
„„Да ти с' здраво из табора вратим,
„„Тебе, душо, добра срећа нађе,
„„Узећу те за верну љубовцу.“ “
„И одоше три војводе бојне.
„Њи ја данас по разбоју тражим.“
Ал' беседи Орловићу Павле:
„Сестро драга, Косовко девојко!
„Видиш, душо, она копља бојна
„Понајвиша а и понајгушћа,
„Онде ј' пала крвца од јунака
„Та доброме коњу до стремена,
„До стремена и до узенђије,
„А јунаку до свилена паса,
„Онде су ти сва три погинула;
„Већ ти иди двору бијеломе,
„Не крвави скута и рукава.“
Кад девојка саслушала речи,
Проли сузе низ бијело лице,
Она оде свом бијелу двору
Кукајући из бијела грла:
„Јао јадна! уде ти сам среће!
„Да се, јадна, за зелен бор ватим,
„И он би се зелен осушио.“

Radosav Siverinac.

„Kada mi se Radosave vojevoda oddiljaše
od svojega grada divnoga Siverina,
često mi se Radosav na Siverin obziraše,
tere to mi ovako belu gradu besijaše:
ovo mi te ostavljam, beli grade Siverine,
moj divni grade,
ne znam veće viju li te, ne znam veće vidiš li me.
Sva je tada družina brze konje uztegnula,
tere stavši Radosava družina uprašaše:
jeda nam si, vojevodo, zle bilige ke vidio?
opeta se zavratimo ka gradu Siverinu.
A on mi se junakom tihim mukom ujimaše,
Radosave,
udrio je ostrogami junačkoga dobra konja,
tere to mi od'jizdi prid junaci crnom gorom.
I kada je bio sridi one crne gore,
padnuo je Radosave s družinom vince piti;
da prvo to biše stražice razredio.
Istom straža pripade k Radosavu vojevodi,
Siverincu:
da ti je u znan'je, naju mili gospodine,
ovo ti se brode turske kirižie karavane,
neka to jih pojdemo junaci razjagmiti?
Radosav mi stražici vojevoda odbesidi:
nemojte jih po ništo, družino, razjagmiti,
da isto jim vazmite jedno brime dobra vina,
junaci bratjo,
lipo jim ga vazmite, i dobro jim ga platite.
Lipo ga su vazeli, i lipo ga su platili.
I kada su padnuli junaci vince piti,
druga straža pripade k Radosavu Siverincu:
zlo si vince popio, Radosave vojevodo,
na te se je spravio Vladko Udinski vojevoda,
Siverine!
Brzo mi su junaci brze konje pohitali,
tere mi su poseli junačke dobre konje.
Radosav mi ne može svoga konja uhvatiti,
za što mu se brz konj biše po livadi razigrao.

Za njim to mi potičući vojevoda klikovaše:
stani jure, konju, stani jure, brzi konju,
aj davori konju,
stani jure, brzi konju; da bi, konju, zaginuo,
kako no je meni tebe cića zaginuti.
Kada mi ga ne može Radosave sustignuti,
poklopio se je svojim šćitkom perenim,
tere mi je otašao za družinom brez konjica,
svojom svitlom sabljicom, s vitim kopjem na ramenku,
Siverinče.
Za njim se je upustio Vladko Udinski vojvoda
na svojemu, vitez Vladko, junačkomu dobru konju;
i kada mi Radosava Siverinca sustizaše,
smirio ga bješe meju pleća udariti,
položivši vito kopje brzu konju meu uši.
Već mi se je Radosave junački izvrnuo,
vojevoda,
tere to mu vito kopje na peren šćitak prija.
Na peren ga šćitak prija, a sabljicom ga obsiče.
Stavši to mi vitez Vladko Radosavu uzbesidi:
oto sam te kušao, Radosave Siverinče,
bi li mi se umio pri potribi izvrnuti;
a sadi ti vera budi, Radosave, Vladkova,
vitežko kopje,
da te hoću prid družinom vojevodom postaviti.
Odmetni to od sebe tvoje junačko oružje,
neka da se meju sobom junaci pozdravimo.
Radosav mi odpasa svoju sablju junačku;
k njemu mi je pristupio Vladko Udinski vojevoda,
tere mu je pričao bele ruke vezati,
Siverincu,
a sam ga je odveo na svoje divne dvorove.
K njemu su se kupile sve devojke i neviste,
i one mlajahne, družino, udovice,
tere to mi Radosavu Siverincu klikovahu:
aj davori, davori, Radosave Siverine,
mnozim ti nam si crno ruho postavio,
vojevoda!
Već to mi je hotila nika srića Vladkova,
da te je junaka na veri privario,

i njegova t' bi ljubovca crno ruho pronosila.
Tuj mi se je Radosavu na Vladka razžalilo,
tere to mu junak iz glasa klikovaše:
neverna ti, Vladko, vera, i neverna ti ljubovca,
viteže Vladko!
Kada ga je začuo vitez Vladko klikujući,
vele t' se je na njega vojevoda razgnjivao,
ter mi je dozvao one svoje verne sluge,
kojim to je pridao Radosava Siverinca,
tere ga je poslao junaka zagubiti.
A sada mi i vazda dobra srića s tobom budi,
naš gospodaru,
i zdravo nam svude hodi i veselo domom dojdi."

Kralj Matjaž v turškej vozi.

Oj kralj Matjaž, oj kralj Matjaž,
Prelépi kraljič ogrski!
Trikrat s Turkom na vojski biû,
V četrto je le vlovljen biû,
V ta tèmni turèn vržen biû.
Še pride Turka kralja hči,
Najmlajši hči Margetica.
Ga v okenci zagledala,
Se v njega je zagledala.
Tak reče mu Margetica:
„O kaj ti pravim, kralj Matjaž,
Prelépi kraljič ogrski!
Še danes živ boš ti ostoû,
Ti jutre Turk bo glavo vzoû.
O kaj ti pravim, kralj Matjaž,
Prelépi kraljič ogrski!
Kaj boš ti meni lona daû,
Jez ti bom turn odpírala,
Te 'z tèmne ječe rešila".
Tako ji reče kralj Matjaž:
»Jez ti bom daû srebra, zlata,
Če boš mi turn odpírala.«
Tak ona mu odgovori:
„Srebra, zlata mi tréba ni,
Saj ga imam več po smetéh,
Ko ti imaš ga po gradéh."
Še to ji reče kralj Matjaž:
„Oj Turka kralja mlajši hči,
Narmlajši hči Margetica,
Kaj boš pa lona prašala,
Če turn mi boš odpírala?"
„O kaj ti pravim, kralj Matjaž,
Prelépi kraljič ogrski!
Jez druz'ga ne bom prašala,
Ko tebe, lépi kralj Matjaž!"
„O kaj ti dém, Margetica,
Le ta ne bo, ne more bit',
Le ta ne more se zgodit',
Doma imam svojo ženkó,
Tri mlade sinke imam ž njó;
Mi turèn boš odpírala,
Med njimi se boš zberala."
Marget'ca šla je v bélo klét,
Vtočila vinca trojnega,
Ž njim Turke je napijala,
Tako jeh je napijala,

De so trdo zaspavali,
Na črno zemljo padali.
Še ključe je poberala,
Matjažu turn odpirala.
Marget'ca vzela konjčku pet,
Na tri je déla dost blaga,
Dosti zlata, dosti srebra.
Na druga dva se vsedeta,
Prehitro se zasukata,
'Z Turčije ven zadirjata.
Še kam predeleč dirjata,
Do 'n'ga kovača mladega:
„Le gore, gore, mlad kovač!
Prekovi mojih konjčku pet,
In služi toj prelépi lon,
Prelépi lon, sto zlatih kron.
Obrni krempeže naprej,
De bojo Turki mislili,
V Turčijo notrka so šli.“
Matjaž z levico lon dajaû,
Z desnico glavo proč mu djaû.
Še kam predeleč dirjata,
Do 'nega brivca mladega:
„Oj gore vstani, brivec mlad,
Obrí kraljiča mojega,
Matjaža kralja lepega,
In služi toj prelépi lon,
Prelépi lon sto zlatih kron.“
Matjaž z levico lon dajaû,
Z desnico glavo proč mu djaû.
Še kam predeleč jezdita,
Do Donave pr'jezdita.
Še kralj Matjaž tak govori:
„Kako bo zdaj, Margetica?
Kod bova črez posavala,
Kod Donavo prplavala?“
Marget'ca vzeme prsten zlat,
Na sréd vodé ga zapodí;
In koj se voda razdelí,
Sta srečno črez posavala
Sta Donavo prplavala.
Tam so pastirje pasili,
Pri čredah so se igrali.
Še reče jim Margetica:
„Kaj pravim vam, pastirje vi?
Ko Turki pridejo za nam'
Vas bojo prašali: kakó
Prplavala sta Donavo?
Povejte jim, pastirje vi:
Za vrat sta kamnje vezala,
Sta Donavo prplavala.“
Za njima Turki pridejo,
— Ko trave 'n listja jeh je blo —
Pastirje vprašajo: „Kakó
Prplavala sta Donavo?“
Pastirje jim odgovoré:
„Za vrat sta kamnje vezala,
Sta Donavo prplavala.“ —

Za vrat si kamnje vezali,
Se v Donavi potopili.
Še kam predeleč jašeta,
Do doru mi pr'jašeta,
Do doru kralja samega,
Matjaža kralja lépega.
Njega gospa v okni stoji,
In kliče k sebi tri sini:
„Sinovi moji, lejte sàm,
Sotenko oče pelje dam.“
Še kralj Matjaž tak govori:
„Sotenka moja ona ni,
Mi Bog jo daû za angelja
Mi turen je odpirala
Iz ječe me je réšila.“
Matjaža so sprejemali,
Marget'co nič obrajtali.
In ona zjoče se hudó:
„Kako bo z mano, oh kakó,
Naprej ne vém, nazaj ne smém.“

Al kralj Matjaž tak govori:
„Le sàm, le sàm, Matjažič mlad!
Prpeljaû sem Margetico,
Turškega kralja mlajši hčer.
Vzemi jo za nevestico;
Je turen mi odpirala,
Iz ječe me je rešila.“
Matjažič vzeû Margetico
Za ljubo si nevestico.

(Torbica jugosl. mladosti III. 66—67)

Utonulá.

Bude vojna, bude,
Kdo pak na ňu půjde?
Která má milého,
Sobě upřímného,
Ta naříkat bude.
Já bych taky jela,
Dybych koňa měla,
Koníčka vraného,
Pěkně sedlaného,
Sedla bych na něho.
Co bys tam, má milá,
Co bys tam dělala?
U Dunaje stála,
Košulenky prala,
To bych tam dělala.
Kde bys je, má milá,
Kde bys je máchala?
U Dunaje kameň,
Stála bych já na něm,
Tam bych je máchala.
Kde bys je má milá,
Kde bys je sušila?
Na zelených lókách,
Na hedbávných šnůrkách,
Tam bych je sušila.
Kde bys je má milá,
Kde bys je válela?
V císarské komoře,
Só tam vále dvoje,
Tam bych je válela.
Vrať se milá domů,
Já tam sám pojedu,
Až mine sedum let,
Potom si tě vezmu.
Počkám já sedum let,
Šak nepomine svět,
Milé z vojny přijde,
A on si mě vezme,
Budeli pán Bůh chtět.
Sedum let dochází,
Můj milé nejede.
Ach Bože, Rozbože,
Kdy pak mně přijede!
Sedum let už došlo,
Milého neslyším,
Ach Bože, Rozbože,
Ach já se oběsím.
Já se neoběsím,
Radši se utopím,
Svoje mladé tělo
Po Dunaji pustím.
K Dunaji běžela,
Dunaje se ptala:
Jsili tak hluboká,
Jak su já vysoká,
Bych do tě skočila?
Rodičové milí,
Já se s vama lóčím,
Bratrové a sestry,
Bohu vás poróčím.

Její bilé nohy
Do písku sahaly,
Její bílé ruce
Břehu se chytaly;
Její černé vlasy
Po vodě plovaly,
Její černé oči
K nebi se zvihaly.
Sedum let minulo,
Milé z vojny jede.
Což jeho vrané kůň
Pod ňém tak smutně jde.
Co pak můj koníčku,
Co pak tak smutno ideš?
Zdali mého těla
Unésti nemůžeš?
Netíží tvé tělo,
Tíží mě tvá milá,
Kerá se pro tebe
Včerá utopila.
Hned s koníčka slezl,
Kord do něho vrazil,
Do svého srdečka
Z pistole vystřelil.
Už só vobá mrtví,
Pochovat jich dejte,
Z rozmarýnu věnec
Na hrob jim posaďte.
Z rozmarýnu věnec
Bílým kvítkem kvete;
Nenašli se spolu
Ti milí na světě.

(Sušil, Mor. nár. písně, 87—88.)

Milá v hrobě.

Bylo Juři pachole,
Sluhovalo ve dvoře.
Vysložilo brany kůň,
Na konička sedelko,
Pod sedelko třmeněčko.
Pod třmeněčko šatečku,
Švarnu Marijanečku.
Marianko dzěvečko,
Jež do ročku sedmeho,
Němiluj ty žadneho.
Sedmy roček přichodzi,
Juřiček jedzě z vojny.
Natrefil tam pastyře,
Co černe bydlo pase.
Ptam se ja cě pastyři,
Jeli živa Slezkova,
Co švarnu dceru měla?
Och Slezkova živa je,
Dněska dcerku vydaje.
Už vy jenom pošpěšcě,
Na svadbu přijedzěcě.
Jak za humny přijechal,
Velku střelbu udzělal,
Marijance hlas vydal.
Vyšla k němu Anička,
Marjančina sestřička.
Vitej z vojny Juřičku,
Můj rozmily švagřičku.
Marianka umřela,
V klašteře je schovana,
Bilym ruchem odzita;
Bilym ruchem odzita,
Černu hlinu přikryta.
Třikrat klašter objechal,
Marijanku zavolal:
Marijanko dzěvečko,
Přemluv ke mne slovečko!
Cěžké moje mluveni,

Dy ve mně dechu něni.
Zlaty prsteň s prstu sjal,
Marijance na prst dal,
A sam se zamordoval.

(Sušil, Mor. nár. písně, 92.)

Sestra travička.

Stojí hruška v širém poli,
pod tou hruškou kámen bílý.
Pod kamenem zlatý prsten,
skrz ten prsten tráva roste.
Kdo tu trávu žíti bude,
zlatý prsten nosit bude.
Žala ji tam moje milá,
prstenu přec nenosila.
Jeli tudy cizí páni:
„Pojeď', holka, pojeď' s námi!“
„Já bych s vámi ráda jela,
kdybych bratra já neměla.“
„Bratra můžeš otráviti,
s námi můžeš předce jíti.“
„Kterak bych ho otrávila?
Ját' se tomu neučila.“
„Jdi do háje zeleného,
najdeš hada jedového.
Uvař mu ho v teplém mlíce,
on ti skoná v malé chvílce.“
Už bratříček z lesa jede,
javorové dřevo veze.
„Pojď', bratříčku, k snídaníčku,
přichystala jsem rybičku.“
„Jáka, sestro, to rybička,
bez hlavičky, bez ploutvíčka?“
„Hlavičku já posnídala,
a ploutvíčka kočka vzala.“
A když bylo po snídaní,
bratr má se k umírání.
„Jdi, sestřičko, pro vínečko,
ať' okřeje mé srdéčko.“
Nabrala mu vody z louže:
„Pí, bratříčku, to zpomůže.“
A když bylo po obědě:
„Běda, sestro, zle je, zle je!
Podej, sestro, poduštičku,
ať' položím svou hlavičku!“
Podala mu tvrdý kámen:
„Spi, bratříčku, s Kristem pánem!“
A když bylo po večeři,
přijeli tam tři lékaři.
„Ó vy páni lékařové,
probodněte srdce moje.
Tělo dejte pod kamení,
ať' ten oheň více není.
A z kamení do kostnice,
ať' ta bolest není více.“
Jeden den ho pochovala,
a druhý den psaní psala:
„Přijeď', milý, bez prodlení,
už je bratr otrávený.“
„Když jsi bratra otrávila,
ani mne bys nešetřila.“
„Ouvej Bože, jaké hoře!
nemám bratra ani muže.
Bratra jsem si otrávila,
a muže jsem nenabyla!“

(Erben, Prostonár. česk. písně, 477.)

Mężobójczyni.

1. Stała nam się nowina;
pani pana zabiła.
2. W ogrudku go schowała
drobnéj rutki nasiała.
3. „Rośnij rutko lilija
jeszcze wyżej niżli ja.
4. Rośnij, rośnij nie mała,
bym grobu niewidziała.
5. Wyjrzyj dziewko za góry
czy nie jedzie pan który?“
6. „„Jadą, jadą panowie:
nieboszczyka bratowie.““
7. „Poczem żeś ich poznała,
coś ich braćmi nazwała?“
8. „„Po konikah po wronych,
po siodełkach czerwonych,
9. Po chusteczkach jedwabnych
po pałaszach oprawnych.““
10. Pytali się w gospodzie:
„„Co to za krew na nodze.““
11. „Dziewka kury rzezała,
i tak mi napluskała.“
12. „„Choćby ich sto zabiła,
takaby krew nie była.““
13. Jak do dworu wjechali
bratowę przywitali:
14. „„Kłaniam, kłaniam, bratowa,
nieboszczyka katowa.““
15. „Po czém że mnie poznali,
że katową nazwali.“
16. „„Po trzewikach czerwonych,
po rączeńkach skrwawionych.
17. Siadaj, siadaj, bratowa,
nieboszczyka katowa:
18. Siadaj, siadaj, jedź z nami
będziesz jeździć z panami.““
19. „Jakże ja zwami siadać,
drobnych dziatek postradać?“
20. „„A my dziatki weźmiemy,
do szkoły ich oddamy.““
21. „Niewieźta mnie przez miasto,
bo mnie nazwią niewiastą;
22. Niejechajta w rzadki las,
bo mnie będzie w oczki blask.“
23. Wjechaliści w gęsty las,
opadł-ci ją złoty pas.
24. „Poczekajcie ze chwilę,
niech się po ten pas schylę.“
25. „„Nie będziesz się schylała,
boś go ty nie sprawiała.
26. Sprawił-ci go Franciszek,
nasz nieboszczyk braciszek.
27. W gęściejszy las wjedziemy,
więcej pasów zedrzemy.““
28. „Mam ja brata w Krakowie,
co mnie od was wykupić.“
29. „„A my brata w ogródku,
na niem lelija, rutka:
30. Jak ja byłem jemu brat,
tak-ci tobie będę kat.““
31. Wyjechali za lasy
i tam darli z niej pasy.

(Kolberg, Pieśni lud. polsk., I. 14—15).

Marysia dziecię — rzuciła.

1. Oj tam za dworem — na błoniu,
wywija Stasio — na koniu.
2. Marysia za nim — chodziła,
dziecię na ręku — nosiła.

3. „Rzuć Mariś dziecię — do wody,
nie będzie nam — żadnej przeszkody.
4. Ciś Maryś dziecię -- do Bugu,
niebędziesz płakać — po ślubu.
5. Marysia dziecię — rzuciła,
a sama z płaczu — umiera.
6. Płynął młynarczyk — po wodzie,
znalazł dzieciątko — na spodzie.
7. Zaraz do dworu — daje znać,
która to która — jego mać.
8. A we wsi w dzwony — dzwoniono,
panny na ratusz — ściągniono.
9. Wszystkie panny postawały — przed panami,
tylko jedna Marysia — za drzwiami.
10. Wszystkie panny postawały — w wianeczku,
tylko jedna Marysia — w rąbeczku.
11. Moja Marysiu — co ci to,
co ci główeczkę w biały rąbeczek — uwito?
12. „Głowa mnie, moi panowie, — bolała,
tom sobie ją w biały rąbeczek — związała.“
13. „Oj nie to to, moja Marysiu, — nie to to,
utraciłaś dzieciątko — jak złoto.“
14. Wziął ci ją młody kacik — za rączkę,
wyprowadził — na łączkę.
15. „Chcesz że ty, moja Marysiu, — moją być,
mógłbym ja cię od tej męki — wyzwolić.“
16. „Oj niebyła moja matka — panową,
i ja też niemyślę być — katową.
17. I wziął-ci ją stary kat — pod boczki,
wtrącil-ci ją w Bug — głęboczki.

(Wacł. z Oleska P. l. w Gal. str. 489. — Wojcicki P. l. T. I. str. 93.)

Koniczek — prorok.

1. Służył sługa u pana
ze czterema sługoma.
2. I wysłużył Kasieczkę
w siódmym roku dzieweczkę.
3. A jak ci ją wysłużył,
zaraz się z nią ożenił.
4. I na wojnę odjechał
i siedem lat wojował.
5. A ósmego powrócił,
do domu się obrucił.
6. I stanął tam na dole
a konik pod nim mgleje.

7 „Czy mi Kasia nie żyje,
czy mi syna powije?“
8. Kasia syna powiła,
zaraz nad nim usnęła.
9. I przyjechał w podwórko
i zapukał w okienko.
10. A ja z konia nie zlezę,
póki Kasi nie ujrzę.“
11. „A już Kasia nie żyje,
rosną na niej lilije.“
12. „Żebym wiedział Kasi grób,
pojechałbym, widzi Bóg.“
13. I zajechał do grobu
wedle serca ochłodu.
14. „Wyjdzi do mnie, Kasieczko,
przemów do mnie słóweczko.“
15. „Masz ci ich tam pełen świat,
a mnie, Jasiu, jeden kwiat.“
16. „Zagrajcie jej w organy,
mojej Kasi kochanej.“
17. „Zagrajcie jej w nowy dzwon,
mojej Kasi wieczny dom.“
18. Zagrajcie jej w pozytyw,
mojej Kasi za grzychy.
19. Wszystkie panny w zieleni,
moja Kasia spi w ziemi.
20. Wszystkie panny w rąbeczku,
moja Kasia w grobeczku.
21. Wszystkie panny jaśniuchno,
moja Kasia bieluchno.“

(Kolberg, Pieśni lud. p. I. 173—174.)

Kasia nie idzie za inszego.

Służył Jasio u pana
za starszego dworzana,
(ody dady da — ody dady da.)

I wysłużył Kasieńkę
w siódmym roku dziweńkę.

Król na wojnę rozkazuje,
Jasio w drogę się gotuje.

Matuleńku, bądź mi zdrowa,
chowajże mi Kasię doma,

Do roczeńku do siódmego,
do przyjazdu do mojego.

Już siódmy roczek schodzi,
Jasio z wojny nie przychodzi.

W karty grają, psy szczekają,
„wyńdzi, służko, co tam mają.“

Wyjrzyj, służko, na nowy dwór,
„czy nie jedzie Jasio mój.“

Jedzie Jasio uzbrojony,
a pod nim koniczek wrony.

Przyjechał naprzeciw dwora,
„wyńdzi Kasiu serce,“ woła.

„Twoja Kasia nic dobrego,
teraz idzie za inszego.“

„A za kogo za tokiego?“
„za starostę Mielżyńskiego.“(?).

„Podaj mi, służko, skrzypeczki,
pojadę grać na wesele

Dla nadobnej Kasineczki,
i szklenicą sie podzielę.

Stanę sobie w rogu stoła,
niech zobaczy Kasia moja.“

Skoro Kasia zobaczyła,
przez trzy stoły przeskoczyła.

„Ty, Jasieńku, ty mój pierwszy,
ty, starosto, szukaj inszej.“

„Porąbajcie, posiekajcie,
a Kasi mojej nie dajcie.
Kto odbiera me kochanie,
niechaj straszne ma skonanie.“
Wszyscy się tam pasowali
i szablami wywijali.
I Jasio dobył pałasza,
nikogo się nieustrasza.
Kasia we środku stanęła,
za rękę Jasia wzięła.
Wszystkich wraz rozbroniła
i do starosty mówiła:
„Starosto, kłaniam tobie,
bo ja biorę Jasia sobie.
Jedź choć z sercem rozgniewaném,
mnie zostaw z Jasiem kocha-
[nym.“
I starosta rozgniewany
odjechał Kasi kochanej.

(Wojcicki P. l. T. 1. str. 53.)

Corrigenda.

Pag.	13	v.	79	pro	Арпаксѣевной	lege	Апраксѣевной
„	14	„	129	„	свѣзды	„	звѣзды
„	21	„	118	„	ноле	„	поле
„	25	„	268	„	полно-тло	„	полно-тко
„	30	„	186	„	вольной	„	волной
„	46	„	257	„	Яссу	„	яссу
„	50	„	91	„	сумо	„	сум
„	53	„	26	„	сөга	„	сега
„	56	„	51	„	мелечек	„	малечек
„	56	„	65	„	Гла’а, да’а	„	Гла’а гла’а
„	58	„	129	„	нещежи	„	пещежи
„	61	„	32	„	Отиде	„	отиде
„	63	„	111	„	На	„	Не
„	64	„	30		deleatur: 44.		